

**ИРИНА
ЛОБУСОВА**

**ВЕТЧИНА
БЕДНЯКОВ**

Ирина Лобусова
Ветчина бедняков

«Автор»

2013

Лобусова И. И.

Ветчина бедняков / И. И. Лобусова — «Автор», 2013

В маленьком провинциальном городке Южногорск исчезают дети. Легкое нажатие на кнопку пульта телевизора навсегда изменило жизнь главной героини Виктории, врача из частной клиники «Инфомед». По новостям шел сюжет о том, что в городе Южногорске пропали двое детей, близнецы, брат и сестра, малыши 7 лет. Пропавшие дети были ее племянниками, маленькими Стасиками (так прозвала их про себя из-за имен: Анастасия и Станислав), а их матерью была ее родная сестра Светлана... Она едет в Южногорск только с одной целью: найти Стасиков. Ей приходится идти на крайности: перебираться через заборы под током высокого напряжения, обороняться от свирепых собак, сутки сидеть по шею в вонючем болоте, ползком в зарослях пробираться мимо охраны, вооруженной автоматами. Она спасет Стасиков, но для этого выстрелит в человека. И откроет неожиданный финал – в котором друг окажется смертельным врагом.

© Лобусова И. И., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Вступление.	6
Глава 1.	9
Глава 2.	13
Глава 3.	17
Глава 4.	22
Глава 5.	26
Глава 6.	31
Глава 7.	36
Глава 8.	39
Глава 9.	43
Глава 10.	47
Глава 11.	51
Глава 12.	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Ирина Лобусова

Ветчина бедняков

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Вступление.

ИТАЛИЯ.

Женщина испуганно прижала к себе ребенка. Мужчина перехватил ее взгляд. Он ободряюще улыбнулся, но это помогло мало: лицо ее по – прежнему было бледным. Тогда он нежно обнял ее. Женщина положила голову ему на плечо.

– Ты можешь уговорить его так не гнать? Мне страшно! Мне с самого начала как-то не по себе... И пусть он хотя бы замолчит...

Солнце отражалось от белоснежных вершин гор в северной части Италии. По заснеженной горной дороге такси мчало семью к модному горнолыжному курорту.

Обернувшись вполоборота, водитель (их соотечественник, русский) не замолкал ни на минуту. Сотни анекдотов, туристских историй, местных сплетен и советов про развлечения сыпались как из рога изобилия со скоростью сотня в минуту. Водитель болтал и болтал. Никто не слушал его болтовню. Время от времени машину немного заносило на скользкой дороге, и он едва успевал справиться с управлением.

Для женщины поездка представляла собой сплошную муку. Сотни раз кляла себя за то, что они не поехали обычным автобусом отеля. Как ей не хотелось садиться в это такси! Но муж сказал: «глупо трястись в общем автобусе вместе со всеми, если мы можем позволить себе примчаться прямо к воротам отеля, причем с комфортом». Все казалось тогда очень простым: действительно, а почему бы – нет? Если б только не чрезмерный восторг водителя, получивших пассажиров для такой дорогой поездки, ведь дорога в соседний городок стоила не мало... И если б он не стал выражаться свой восторг тем, что болтал и болтал...

Единственный человек, кто не испытывал никакой тревоги, был светловолосый мальчуган лет 5-ти. Он с огромным восторгом смотрел на горы, которые видел впервые в жизни! Дети воспринимают так непосредственно то, что видят впервые. И он радовался, бурно радовался новой сказке, открывавшейся перед ним.

Машину занесло в очередной раз, и женщину отбросило в сторону так, что она немного ударила руку.

– Послушайте, вы не могли бы ехать медленней? – нахмурился мужчина.

– Да что вы волнуетесь! Дорога за ночь обледенела, вот поэтому... Тут был на днях такой случай, мне приятель рассказывал. Прибыли к нему гости из жаркой арабской страны, и вот должен он был отвезти их в соседний с вашим отель....

И понеслось-понеслось без остановки! Водитель смеялся над своими же анекдотами, и с удовольствием слушал себя сам.

– Эй, мальчуган! Вот тут сейчас будет самый красивый поворот! Видишь на верхушке горы белую такую шапку? Мне тут рассказывали, в прошлом году был такой случай... Полезли на эту гору туристы из...

Автомобиль накренился. Водитель обернулся, чтобы что-то изобразить в лицах... Именно тогда появились два ярких огня на встречной полосе. Женщина увидела их первой.

– Осторожно! Там грузовик!

– Где? Да не волнуй... – водитель резко крутанул руль в сторону, но было поздно.

Лобовой удар был такой силы, что в воздухе мгновенно возник столб из железа, дыма, стекла... Но никто из четверых уже не увидел, как, перевернувшись в воздухе, машина стала падать по склону, оставляя за собой черный клубы едкого дыма. Людей поглотила засасывающая, плотная темнота.

Он пришел в себя от нестерпимой боли, и, открыв глаза, зажмурил их снова от белого света, ударившего прямо в зрачки. Вместо нижней половины тела пульсировал сплошной стук боли – такой сильной, что в первые минуты он забыл, как дышать. Затем он почувство-

вал легкий укол в область предплечья (по сравнению в болью он был такой легкий, словно его укусил комар), и боль стала отступать. Он смог снова потихоньку раскрыть глаза.

Теперь никто не узнал бы в нем того мужчину, который выглядел таким уверенным и сильным... Лицо его сплошь было в бинтах, тело представляло собой сплошной белоснежный кокон (точь в точь египетская мумия) а ноги были подвешены кверху.

Потом он увидел, что белый свет был обыкновенной больничной лампой. И еще он увидел лицо. Это было лицо старой женщины в черном. Это лицо напугало его. Ему вдруг показалось, что пресловутый ангел смерти возник перед его глазами как некий символ, как страшное, безысходное знамение, настолько ужасное, что он не мог ни понять его, ни почувствовать, ни постичь... И только потом он понял, что на голове женщины был обыкновенный черный капюшон. Это была монахиня. Самая обыкновенная монахиня из всех...

– Где я? – он слышал свой голос словно со стороны. Говорить было очень тяжело – что-то больно царапало гортань.

– Не разговаривайте, пожалуйста! – монахиня довольно хорошо говорила по-русски, – вы в больнице нашего монастыря. Я переводчик.

– Моя жена... И сын... Они здесь? В больнице?

На мгновение женщина замолчала, и острая игла страха, впившись в его сердце, вдруг заскорузла, окрепла, навечно оставшись там...

– Мужайтесь, сын мой! Все мы в руках господина...

– Скажите... Скажите... Скажите... – он повторял это слово как особую мантру, и вдруг оно стало значить для него больше, чем вся жизнь...

– Мужайтесь, сын мой! Вам понадобится все мужество, чтобы выжить. Состояние ваше очень серьезно.

– Где они? – страх усилился, – ГДЕ ОНИ?!

– Ваши жена и сын отошли в мир иной, – монахиня тяжело вздохнула, – они скончались до приезда в больницу. И таксист тоже. Вы единственный, кто выжил. Мы будем молиться за них.

Он закричал. На одеяло хлынула кровь. Поднялась паника, вокруг замелькали белые халаты. Все стало покрываться смутным туманом. Только кроваво-красные пятна на простыне остались реальность.

Потом пришла боль.

ТРИ МЕСЯЦА СПУСТЯ.

Он возвращался в палату после прогулки по монастырскому саду, когда увидел, что в приемном покое больницы началось какое-то движение... на ходу он остановил одну знакомую медсестру, всегда относившуюся к нему лучше других.

– Что случилось?

– Очень тяжелый случай. Привезли двух детей – девочку 8 лет и мальчика 6-ти. Их сбил автобус. Будут оперировать, потом – в реанимацию.

– Они выживут?

– Мы все надеемся на лучшее!

Сестра убежала со всех ног. Он пошел по коридору – как всегда, прямо.

В палате его ждал лечащих врач.

– У меня есть для вас замечательная новость! – врач улыбался, довольно потирая руки, – уже завтра мы можем вас выписать!

– Правда? – безучастно спросил он. Раньше эта весть повергла бы его в восторг, но теперь он встретил ее с пугающим его самого равнодушием.

– Ну конечно! Прямо завтра вы сможете отправляться домой! Гостиницу, билеты – конечно, мы закажем все это...

Он кивнул. Несколько удивленный его безразличием, врач оставил его одного. Он сел на кровать и тупо уставился в стену.

Вечером та же самая сестричка пришла сделать ему последний укол.

– Как эти дети? – спросил он, тщательно пряча от нее взгляд своих глаз...

– Слава Богу, они выживут! Операции прошли очень успешно. У них есть все шансы поправиться!

– Они сейчас в реанимации?

– Ну да, там. Должны быть под особым наблюдением еще некоторое время. Врач еще не отключал системы, но скоро это должно произойти. Они очень скоро пойдут на поправку.

Он знал, где находится реанимация. Именно в реанимации он был так долго, когда его привезли... Сразу после аварии. Он стоял воле толстого стекла, глядя на два детских тельца, распростертых на огромных послеоперационных кроватях. Дети были подключены к искусственным системам. В прозрачных трубочках переливалась голубоватая жидкость. Сверху лился все тот же белоснежный больничный свет, когда-то показавшийся ему таким страшным и ярким. Теперь он ясно видел, что свет приглушен – но все равно, он казался ему ослепительным белым огнем уходящего ввысь, длинного коридора. Не земной свет...

Ночью его разбудили приглушенные голоса. Одевшись, он вышел в коридор, и наткнулся прямо на своего врача.

– Я слышал шум... Что-то случилось?

– Вам не стоит волноваться! Идите спать.

– Я здоров и завтра выписываюсь. Вы должны мне сказать!

– Дети умерли, – врач нахмурился, – в реанимации. И знаете, что самое странное? Все выглядит так, словно кто-то специально передал системы, чтобы в них появились пузырьки воздуха. Утром мы сообщим в полицию.

В 8 утра он спустился по ступенькам монастырского госпиталя и в сопровождении врача и сестры – переводчицы пошел к автобусу больницы, который должен был доставить его в город. Он категорически отказался сесть в такси.

– Какой ухоженный у вас сад... – он довольно улыбнулся монахине.

– Это наша гордость! Когда-то здесь были бесконечные поля. Мы создали этот сад своими руками. Все местные дети любят гулять здесь!

– На бывшем поле? Как замечательно! Спорю на что угодно, им всегда не хочется возвращаться назад!

– Не скажешь, что здесь когда-то было поле, правда?

– Отравленное поле – оскорбление Бога...

– Что? – удивилась сестра.

– Не обращайтесь внимания! Вспомнилась фраза из одного романа Стивена Кинга... Просто так. Вам не понять. Я сам только сейчас начинаю понимать...

Монахиня кивнула головой-за годы работы в госпитале она привыкла к тысячам странностей больных, приучившись ни на что не обращать особого внимания.

Сад действительно был прекрасным. Посреди ухоженных клумб благоухали разноцветные соцветия, а на аккуратных дорожках, посыпанных гравием, стояли удобные скамьи. В саду было множество красных цветов. Когда он обернулся назад, возле ворот, ему вдруг показалось, что вся земля бывшего поля покрыта свежей, недавно пролитой кровью.

Обернувшись, он помахал рукой врачу и монахине. И сел в автобус, который тотчас же уехал. Когда автобус выезжал на дорогу за воротами госпиталя монастыря, в них въезжали две машины полиции.

Глава 1.

Сын стоял в дверях и смотрел на нее. Выражение его лица было таким же, как прежде. Только, может, немного внимательней. Он заметил, как она обернулась. Как дрожащей рукой поставила чашку на стол. Первой мыслью ее была (вопреки всему... удивительная вещь – человеческая натура) мысль о том, как он вырос из этой джинсовой курточки и еще о том, какими взрослыми стали его глаза...

– Мама, – сказал ее сын, – а на каникулы Стасики приедут?

Что она могла сделать? Отвести глаза в сторону? Это было бы слишком подло, да и не в ее правилах. Она смело встретила его взгляд и сделала все, что смогла. Сказала правду.

– Я не знаю.

Тень подруги выросла в дверях. Загораживая полностью проем и, как всегда, этого не замечая.

– Не отвлекай маму глупыми вопросами! У нее и так был тяжелый день!

– Тяжелый? – сын усмехнулся, – по – моему, этот день у нее был блестящий! Самый блестящий за последнее время – ведь она выпалась!

Подруга растерялась. Она подавила улыбку, глядя на это. Ее сын стал взрослым. Хотя, наверное, это не так много – целых двенадцать лет. Или, наоборот, достаточно много... Потоптавшись в дверях, он прошел по коридору и было слышно, как стучит, захлопываясь, дверь его комнаты. Он поступал правильно – шел к знакомому и привычному миру, где в компьютерных монстров нужно было стрелять, и где для любой головоломки существовали подсказки. Этот мир был более простым и в нем (он знал), чашки, которые кто-то ставит на стол, никогда не дрожат.

– Долго ты будешь ему врать? – в голосе подруги прозвучала какая-то требовательная угроза. Эта угроза неприятно резала слух, но была справедливой. Сделав вид, что ничего не поняла, отвернулась к окну, принимаясь вытирать лужу из – под разлитого кофе (проклятая чашка!) первым, что попало под руку.

– Ты о чем? – как она хотела, чтобы ее голос прозвучал спокойно, но он, как и чашка, дрожал.

– Прекрати! Что ты делаешь?!

– Вытираю кофе. Это запрещено?

– Ты вытираешь кофе своими перчатками!

Она опустила глаза вниз, на бурый, размякший комок в руке.... Новые замшевые перчатки... Печально.

– Ладно, – вновь подняв голову, смело встретила взгляд, – хватит! Действительно, хватит! – бурый комок изо всех сил полетел в угол кухни. Подруга удовлетворено вздохнула.

– Честно сказать, я этого добивалась! Вывести из себя! Встряхнуть. Чтобы ты прекратила ходить, как зомби, и посмотрела правде в глаза.....

– Какой – правде?

– Их много?

– Достаточно! На сегодняшний день их целых две! И об обеих я красиво вру своему сыну! Впрочем, об одной из этих правд он знает и считает, что мне повезло – это о том, что меня уволили с работы. А вторая... Что, по – твоему, я должна сделать? Сказать, что на каникулы Стасики не приедут? И, может, объяснить, почему?

– Он ребенок. Несмотря на все свои компьютерные программы и взрослые закидоны, он еще ребенок. И он понимает очень остро, что ты ему врешь. Дети это всегда понимают.

– Я тоже не дура. Я знаю: взрослым врать можно, детям – нет. Я прекрасно все знаю! Что ты хочешь, чтобы я сказала? Что Стасики никогда не приедут? Не приедут никогда потому, что их уже нет?

– Ты так не думаешь!

– Думаю! Я все время об этом думаю! Я думала об этом еще до того, как пришел тот проклятый запрос из прокуратуры, и следом за ним – еще один, но уже из уголовного розыска, и все эти запросы послужили последней каплей, и... Впрочем, не важно! Важно то, что все это должно было произойти, понимаешь? С такой матерью, как моя сестра... Я вообще удивлена тем, что эти несчастные Стасики дотянули до шести лет и... Господи... О Господи... я... не знаю... Что ты от меня хочешь?!

– Я хочу, чтобы ты поехала к своей сестре.

– Никогда! Пусть она пропадет пропадом – вместе с ними!

– Не смей так говорить! Они же дети! Дети ни в чем не виноваты! Они просто дети, два несчастных маленьких ребенка шести лет, больные и абсолютно никому не нужные! Ни своей опустившейся мамаше, ни отцу, который никогда их и не знал, ни даже тебе, своей родной тетке...

– Опустившейся – это ты правильно сказала! И я не поеду к этой проститутке! Мало мне причинила в жизни зла, так еще и из-за этой дряни меня уволили!

– Не надо так говорить! Она же не виновата, что ее дети пропали!

– Дети! Да она и слезы о них не прольет, только обрадуется, что Стасики исчезли из ее жизни!

– Можно быть последней тварью, и любить своих детей!

– Много ты об этом знаешь!

– Достаточно! По крайней мере, больше тебя! Ты не знаешь, что значит для женщины потерять своего ребенка! И дай Бог, чтобы ты об этом не узнала никогда!

– Хватит! Если ты ждешь, что я зарыдаю в голос, то не дождешься! Этого не будет! У меня достаточно своих проблем! Вчера, между прочим, меня уволили с работы!

– Тоже мне потеря! Устроишься на другую.

– Не устроюсь!

– Еще как устроишься! Только вместо тысячи долларов в месяц в крутой медицинской фирме ты будешь получать тридцать долларов в районной поликлинике. Хорошие педиатры на вес золота!

– Фирмы, в которых платят тысячу долларов в месяц, тоже.

– Прекрати! Ты ведь не жалеешь, что спасла этого ребенка! И вообще – ты не можешь жалеть об этом дерьме!

– Сияющий оптимизм! С нахальным маникюром...

Подруга засмеялась:

– Посидишь пару дней дома – сделаешь себе такой же! Между прочим, полная чушь, что работающая женщина должна ходить, как страшило, без маникюра, прически, косметики... Женщина, которая работает, просто обязана хорошо выглядеть!

– Ну да, конечно. Особенно я. Вот мне сейчас до внешности!

– Значит, ты все-таки переживаешь.

– Конечно, я переживаю! Я ведь осталась без работы!

– Тьфу! – сплюнула подруга – выразительно, смачно и красиво, так, как умела она одна. Засмеялась и закрыла глаза. На мгновение ей захотелось прижать их руками и больше не открывать – никогда. белые стены и знакомое ощущение боли... знакомое до мелочей – прежде.

«– Виктория Алексеевна, вы догадываетесь, почему я вас вызвал?»

– Догадываюсь. И я подготовила все соответствующие документы. Вот результаты лабораторных анализов с выявлением аллергической реакции на компоненты препарата... Справка из областной больницы. Справка и медицинское заключение дежурного врача, который принимал ребенка... Заявление родителей... Лабораторный анализ химических красителей...

– Вы основательно подготовились, Виктория Алексеевна.

– Да, основательно. Я ждала последствий.

– Очень мило! Да, вы действительно могли их для себя ждать! Хотя, вероятно, вы не привыкли давать отчет.

– Не правда, привыкла. Но самый первый и главный отчет, который я должна дать, это отчет Богу о том, что я спасла жизнь ребенка, которого костоправы из вашего медицинского центра чуть не отправили на тот свет!

– И вы, сотрудник этого медицинского центра, отвезли ребенка в областную больницу?

– А куда еще? Я не могла спасти его в других условиях! А оставить в центре, чтобы его продолжили пичкать этим немецким препаратом, не имеющим, между прочим, лицензии и сертификата, препаратом, вызвавшим у ребенка такую аллергическую реакцию, что еще несколько часов – и его пришлось бы хоронить...

– Между прочим, это был не ваш пациент!

– Между прочим, я врач! И я обязана помочь человеку, если я могу это сделать! А позволить умереть девятилетнему ребенку, чтобы не подорвать престиж вашей фирмы – извините, но это уже слишком!

– Наверное, действительно слишком! Но, честно говоря, я не собирался требовать у вас объяснений – я и так уже сыт вами по горло! Кому нужен сотрудник, запрещающий покупать своим пациентам лекарства в нашей аптеке!

– Конечно, запрещающий, когда эти лекарства могут принести вред!

– Сотрудник, который своим конфликтным характером...

– Конфликтность, по – вашему, означает отсутствие безразличия?

– Ваши действия, к примеру...

– Я уже сказала, что все могу объяснить! Здесь подготовлены бумаги, и вы можете посмотреть, что...

– Да не нужны мне ваши объяснения! А к своим бумагам добавьте еще одну! Вот эту! И эту тоже не забудьте!

– Что это?

– Вы разучились читать? Запрос из прокуратуры города Южногорска! И все это – мне!

– При чем тут эти запросы к моей работе?

– Как это – причем? Их направляют мне. Как директору медицинской фирмы! А я не желаю иметь никаких дел с этими организациями!

– У моей сестры, которая живет в городе Южногорске, пропали дети. Двое детей – мальчик и девочка, близнецы. Они исчезли, когда играли на улице, им было по шесть лет. По факту их исчезновения ведется следствие, и, естественно, следователь интересуется ближайшей родственницей матери детей...

– А почему вы сами не явились для дачи показаний? Почему эти бумажки отправляются к вам на работу?

– Это мое личное дело!

– Ваше личное дело? Очень хорошо! Так вот: мне не нужны конфликтные сотрудники с вечными полицейскими историями! С сегодняшнего дня вы уволены!

– Что?

– Я вас увольняю! Расторгаю наш контракт! И все ваши отношения с моей фирмой! Вы уволены и больше здесь не появляйтесь! Я предупрежу отдел кадров и бухгалтерию, чтобы они больше не имели с вами никакого дела! Никаких денег за этот месяц я вам не выплачу!

– Вы не имеете права!

– Еще как имею! А вздумаете подавать в суд – получите те копейки, которые указаны в вашем контракте! Между прочим, по контракту вы получаете не 1000 долларов в месяц, а всего 10! И если вы вздумаете обращаться в суд, то заплатите всю неустойку, возместите все расходы, которые вы причинили, отправляя наших пациентов в другие медицинские учреждения! Так что имейте в виду – с судом вам лучше не связываться! Вы стоите мне так поперек горла, что я пойду на все, чтобы вас удалить, желательнее подальше! Кстати, я предупрежу своих коллег из других фирм, чтобы они не вздумали принимать вас на работу! Все, на что вы теперь можете рассчитывать – только место в районной поликлинике!

– Это намного лучше, чем работать у вас!

– Прекрасно! Надеюсь, вам все ясно в отношении денег...

– Да идите вы со своими деньгами! Подавитесь ими!

– Очень хорошо! Все ваши бумаги давно подготовлены в отделе кадров! Убирайтесь!»

Она прислонилась лбом к холодному оконному стеклу. Наверное, это так просто – послать... послать, когда в соседней комнате нет сына, который вечером, и утром, и днем хочет есть... Еще проще послать, когда холодильник полон, и завтра – будут новые деньги, а не только – новый день.

– О чем ты задумалась? – голос подруги вернул к реальности.

– Вспоминала, как меня увольняли. Наверное, я действительно была как кость поперек горла, но... Но иначе я не могла.

– Конечно. С чужими ты не можешь. А со своими...

– Ты снова? Мне кажется, мы уже закончили! Между прочим, я сегодня отправила по почте свои показания о том, когда в последний раз видела Стасиков, после того, как поговорила по телефону со следователем. Между прочим, следователь – женщина, только вот имени ее я не помню. Она сама мне сказала, что Стасиков вряд ли найдут.

– Так и сказала?

– Да. И еще она сказала о том, что моя сестра не сильно и расстроилась. Представляешь, она даже не плакала! Да я любила этих малышей больше, чем она!

– Я вижу, как ты их любила!

– Что ты видишь? Как, по – твоему, я должна была поступить? Я отправила свои показания, написала все, что я о них знала, и это все, что я могу для них сделать. А что касается моей сестры, то она всегда меня ненавидела и никогда не нуждалась в утешении! И вообще я думаю, что последний человек, от которого ей нужно утешение – это я! И все, хватит! Давай закончим разговор на эту тему!

Она пошла в комнату. Подруга плелась за ней. утешитель с моралью.... Последний из утешителей. Ее подруга имела магазин и не могла понять состояние человека, привыкшего получать зарплату раз в месяц, пусть даже эта зарплата составляла когда-то тысячу долларов... Подруга плюхнулась на диван:

– Что ты теперь будешь делать?

– Не знаю. Отдохну, наверное. Слава Богу, кое-что я отложила на черный день. А потом устройсь на работу в поликлинику. И это будет лучше всего.

Внезапно подруга переменилась в лице.

– Это они? Стасики?

На шкафу стояла яркая фотография в деревянной полированной рамке. Двое малышей в костюмах котят на фоне елки держались за руки. Малыши доверчиво улыбались. Серые костюмы выглядели самодельными и простыми. На елке почти не было игрушек. Она подошла к шкафу и положила фотографию – изображением вниз.

Глава 2.

Она не спала три ночи, ворочаясь на постели, как в бреду лихорадки, бесконечно призывая к себе сон. Мягкие простыни впивались в тело, как заостренные прутья. Она ворочалась в состоянии, близком к чудовищному полусну, в котором ночные тени привычных вещей разрастались в чудовищных монстров, а призрачный свет сквозь занавеску казался мерцающим свечением могильных огней. И над всем эти – безнадежность, тупая безнадежность нелепого выбора: рыдать от горя или кричать от злости... И оставалось только впиться зубами в подушку, чтобы заглушить крик. И какая разница, от чего.

В такие ночи ей хотелось встать и броситься прочь из квартиры. Бежать сломя голову в никуда, не чувствуя под собой ног. Она бы и поступила так, если б не одно обстоятельство: мирное дыхание спящего за стеной сына. В теплой кровати. Сына, который всегда оставался для нее малышом. Было еще одно спасение: прокрасться тайком в его комнату, опуститься перед кроватью на колени, зарывшись лицом в простыни, замереть, вдыхая сладкий запах спящего ребенка, ее ребенка, невинного и священного перед миром, чтобы этот ребенок и его свет смог ее защитить. Но для того, чтобы прокрасться в детскую, нужно было пройти через ту часть комнаты, где стоял шкаф, а наверху – фотография в рамке. Лежащая изображением вниз. Фотография, на которую она не могла не только смотреть, но даже – проходить мимо. Сон уходил, проваливаясь в черную дыру сознания, как в бездонную пропасть. И даже если бы сорвала голос от криков, все равно не смогла бы дотянуться рукой... призрачные стражи воспоминаний обступали ее кровать. Вернее, не стражи, а судьи. Все, что она могла сделать, лишь пошире открыть глаза и взглянуть им в лицо.

Она вспоминала заснеженный зимний вечер несколько месяцев назад. Конец декабря и два замерзших тельца в прихожей. Они стояли, прижавшись друг к другу, словно защищаясь от невидимой опасности, крепко держась за руки. Шубка девочки была порвана и защита другими нитками (не подходящими по цвету), а вытертая куртка мальчика – не защита совсем. Их маленькие личики, бледные вытянутые лица детей, которых не ждут и уже собираются выставить на улицу, были сморщены и напоминали лица маленьких старичков. Именно в тот вечер в ее сердце что-то болезненно дрогнуло.... Может быть, от этой недетской обреченности, застывшей в детских глазах. Это были просто голодные, замерзшие и плохо одетые дети ее сестры, сестры, которую она ненавидела всем своим сердцем, сестры, которая причинила ей зла больше, чем любой посторонний человек... Сестры, которая отправила двух шестилетних детей одних на поезде в другой город, чтобы сплавить подальше от себя на новогодние праздники, сестры, которая никогда не хотела ребенка, но опоздала сделать аборт, по неопытности пропустив первую беременность, и словно в наказание Бога вместо одного ребенка у нее родились близнецы..... Накануне их приезда раздался телефонный звонок по межгороду. И голос, который до сих пор вызывал у нее нервные спазмы, сказал:

– Привет, я послала к тебе детей, посадила их в поезд, мне все равно их куда деть, думала отдать в приют, но там надо платить и потом, лишние неприятности с ментовкой, проводница перевезет их бесплатно, если не хочешь держать их у себя, отправь в какую-то больницу, ты же у нас крутая, вообще, я им дала бумажку с адресом, кто-нибудь их проводит, пока.

Все это – на одном дыхании, на одном предложении, и наконец – звонок в дверь.

Как профессиональный педиатр (причем очень высокого класса), она не могла не заметить две страшные вещи... Что уж кривить душой (постоянно думала про себя), именно это и заставило ее потеплеть... Дети были рождены с дефектами. Почти инвалиды. Слабослышащие (одно ухо – процентов 70 слуха, другое – почти 30), с нарушенным зрением, плохо развитые физически и выглядящие намного моложе своих лет. Вздохнув, она принялась раздевать их,

снимая дрожащими руками старую одежду. Два хорошеньких ребенка с пушистыми белокурыми волосиками и ясными голубыми глазами. Два красивых и нежных существа, настолько красивых, что в голову пришло глупое избитое сравнение о двух анегличках... Она были мало похожи на ее сестру. А на кого похожи – она не знала. Она никогда не видела их отца. Ее сестра никогда не была замужем и очень смутно подозревала, от кого вообще родила. Подобная беспечность была в характере ее сестры. Не подлость. Не легкомыслие. Просто беспечность. Словно она никогда и не выросла. Так и осталась ребенком. А потом взяла и родила двух детей.

– Мама сказала, чтобы мы пришли к вам. Она сказала, что вы можете нас выгнать. Если мы вам мешаем, мы поедem обратно на вокзал и кто-нибудь доведет нас домой.

– Нет. Вы останетесь у меня. Ваша мама ошиблась. Я очень рада вас видеть. Вы будете жить у меня столько, сколько захотите сами.

Вечером раздался телефонный звонок.

– ты их оставила? Прекрасно! Пусть они месяц побудут у тебя, а к концу месяца у меня уже будут деньги, и я приеду их забрать.

– Куда забрать?

– Домой.

– Я даже не знаю твоего адреса.

– А, это мелочи! Они тебе скажут. У меня сейчас стесненные обстоятельства, и если бы я приехала сама, ты наверняка бы меня выгнала. Но я подумала – не выгонишь же ты двух детей! Учтывая, что ты всегда была у нас мать Тереза. Вообще, пусть пока поживут у тебя, найдешь же ты лишний кусок хлеба. А к концу месяца я их точно заберу, не волнуйся. К тому времени я сама за ними заскучаю.

Когда положила телефонную трубку, обернулась и встретилась с глазами мальчика.

– Это мама звонила? – спросил он.

– Мама.

– Она всегда говорила, что вы ее не любите.

– Это не правда. Твоя мама – моя родная сестра. А ты... ты любишь свою маму?

Мальчик тяжело вздохнул:

– Иногда она бывает такая добрая, а иногда... к ней лучше не подходить. Но я так думаю, что мама не злая, а слабая. Я должен вырасти большим и ее защищать. Ее и Асю.

– Асю?

– Сестричку. Я Стасик, а она – Ася. Нас все так называют. Я старше ее на 20 минут. А, значит, я более сильный! Я буду защищать ее и маму, когда стану большой. А вы очень красивая. И вы похожи на мою маму. Только у нее нет такой красивой прически и блестящих ногтей. И квартира у вас очень красивая. Я рад, что вы нас не выгнали на улицу. Мама, наверное, ошиблась, когда сказала так. У вас доброе лицо. Я был спокоен, а вот Ася всю дорогу плакала. Теперь она успокоится, и это хорошо.

Она опустила на колени и порывисто обняла мальчика.

– У тебя очень хорошая мама. И ты, конечно же, будешь ее защищать.

Воспоминания подступали к ее памяти, как неумолимые судьи. Воспоминания, разрывающие душу и мозг. Бедные, они поджимали под себя ноги, как маленькие черепашки, чтобы она не увидела рваных колготок... как боялись есть... Как принимая тарелку с едой, со щедрыми порциями жареной картошки и двумя котлетами, их лица вытянулись, а мальчик спросил:

– Это все нам? Столько еды?

– Конечно! – удивилась она, – вы не любите котлеты? Они из мяса.

– Мы не знаем, – тихонько сказала девочка, – мама всегда дает нам одну котлету на двоих, и сделана она из хлеба, только он почему-то жидкий и совсем не вкусный....

Перед тем, как убирать посуду со стола и накрывать стол к чаю, она вдруг увидела, как девочка схватила котлету и опустила ее в карман.

– Что ты делаешь?

Девочка сжалась, как будто она собиралась ее ударить, и вместо ответа стала сильно дрожать. Вместо нее ответил брат:

– она хочет съесть ее перед сном. Она боится, что вы ее выбросите и завтра уже не дадите. Вы не сердитесь. Просто она голодная, хоть я и отдал ей в поезде свой бублик.

– Мама дала вам бублики?

– Нет. Их купила на вокзале какая-то тетенька. Пожалела и купила два бублика, и еще дала десять копеек... – мальчик с гордостью показал ладонь.

У нее на глазах выступили слезы, и, чтобы их смахнуть, отвернулась к холодильнику. Потом повернулась к детям:

– Послушайте... эти котлеты ваши. И вы можете их съесть, когда захотите. Вы только скажите мне – и я дам вам сколько хотите котлет, хорошо?

– Правда, дадите? – девочка впервые подала голос.

– Правда. Обещаю.

Они старательно держали чашки обеими руками, пытаясь ничего не пролить. Вдруг она заметила, что металлическая коробка из – под польского печенья полна до верху, как было, когда она ее открыла. Это было очень вкусное, сочное печенье с хрустящей корочкой из глазури и нежным кремом, сделанное в виде маленьких игрушек. Ее сын обожал такое печенье, и по мере возможности она старалась его покупать. Но сейчас оно было на месте полностью – дети его не брали. Она расстроилась – неужели они его не любят?

– Почему вы не берете печенье?

– Какое печенье? – сказал мальчик.

– А вот это, перед вами! В коробке.

– Это же игрушки, – укоризненно глядя на нее, сказала девочка, – и они очень красивые.

Игрушки нельзя есть.

Она растерялась. Дети никогда не видели в глаза такого лакомства! Господи... Захватив несколько штук, она дала брату и сестре.

– А вы попробуйте! Это волшебные игрушки! Их можно есть. Их специально для вас принес добрый волшебник.

– Волшебников не существует, – строго сказал мальчик. А девочка добавила:

– Мама всегда говорит, что любые сказки – полный бред!

– Точно, – она усмехнулась, – ну, этот волшебник совсем не из сказки! Просто он живет в воздушном замке по соседству и иногда залетает ко мне в гости. И угощает таким печеньем.

Дети все еще смотрели недоверчиво. Но наконец осмелели. Сначала мальчик, потом – его сестра откусили по куску... Их лица прояснились:

– Вкусно! – девочка улыбнулась. Это была первая улыбка ребенка в ее доме. Она поздравила себя с ней, как с огромной победой. Потом подвинула к ним всю коробку:

– Раз вкусно, значит, это все вам! А когда вы все съедите, волшебник еще принесет!

Костя (ее сын) был рад приезду двух Стасиков. Он окрестил их – два Стасика, и радовался, как взрослый человек.

– Мама, они смотрят на меня такими большими глазами! И так радуются! Представляешь, они никогда не видели компьютера! Здорово, что они к нам приехали! Это так замечательно, что у меня есть теперь маленькие брат и сестра!

Он тоже был маленьким, а потому не требовал от нее серьезного разговора. Не требовал объяснить сложных взаимоотношений с сестрой. Не спрашивал, почему Стасики никогда не появлялись в их доме раньше. Он принимал радость жизни как должное, искренне радовался каждому дню, ведь этот дар подвластен лишь детям. Она улыбалась, глядя на его лицо.

Малыши напоминали два маленьких светлых солнышка. Осмелев и освоившись, они стали такими, как были на самом деле – веселыми и смешными, жизнерадостными и подвижными, любопытными и рассуждающими, то есть обычными детьми. Их звонкие голоса наполняли дом радостным шумом, а смех звучал, как серебряный колокольчик, и оттого казалось, что в их доме теперь светит не одно солнце, а целых два.

В тот первый день она хотела купать их перед сном. Но Стасик отказался:

– Я всегда купался сам. Вы не можете меня купать, вы женщина. А я мужчина. Я должен все делать сам.

– Хорошо, – немного растерялась она (ее Костик был совсем не таким), – тогда я дам тебе большое пушистое полотенце и душистое мыло...

– Душистое мыло ни к чему, – почти сердито сказал мальчик, – мужчине ни к чему все эти женские штучки! И кусок стирочного сойдет...

– Не сойдет! – строго сказала она, – нельзя мыться стирочным мылом! Это я говорю тебе не как женщина, а как врач. А врача должен слушаться любой мужчина!

– Ладно, – снисходительно сказал мальчик, – только чтоб оно не очень пахло! Мне это ни к чему! Да вы не обижайтесь. Вы лучше Аську покупайте. Она любит всякие телячьи нежности, она ведь девчонка! Вы ее еще духами подушите, она от восторга совсем с ума сойдет!

Когда она прижала к себе мокрое щуплое тельце ребенка, вынимая ее из ванной, она ощутила совершенно новое чувство. словно что-то дрогнуло в ее душе и растворилось, как большой снежный ком. Сбивая с ног, ее затопила волна нежности, огромной и теплой, как пушистое покрывало, нежности, от которой выступили слезы на глазах. Она всегда мечтала о маленькой дочке. О том, как будет вытирать после ванночки ее нежное тельце, о том, как станет расчесывать пушистые белокурые волосы, разлетающиеся под ее пальцами, о маленьких платицах, в которые будет ее наряжать. Она всегда знала, что будет иметь двоих детей (мальчика и девочку), она мечтала о двоих детях с того самого момента, как стала взрослой. У нее родился прекрасный мальчик. А потом... Судьба распорядилась иначе. Теперь беззащитное маленькое тельце доверчиво дрожало в ее руках. Она была замечательная девочка – со взрослыми глазами, похожими на два застывших озера, покрытых коркой жесткого льда. Когда они смеялись и играли в ванной, ей показалось, что этот лед стал тоньше. А может быть, подтаял изнутри хоть на сантиметр. Вытирая девочку махровым полотенцем, она вдруг обнаружила целую россыпь синяков на ее спине. Это были синяки разной формы и давности – от заживающих желтых до свежих багровых подтеков.

– Что это такое? – вздрогнула она.

Задрожав всем телом, ребенок попытался вырваться из ее рук, а когда поняла, что это невозможно, закрыла лицо махровым полотенцем.

– Кто это сделал? – настойчиво пыталась она.

Девочка явно хотела уйти от ответа. Но потом, скорей, из чувства благодарности за все, чем от желания, тихонько сказала:

– Я упала и ударилась о шкаф.

Ее лицо стало таким несчастным, что жестоко было бы требовать ответа и дальше. Она сделала вид, что поверила. Но когда несла ребенка на руках в спальню, ей все время хотелось плакать.

Глава 3.

Тот день (три дня назад) был похож на бесконечную череду ее одинаковых дней... Дней, в последнее время полных тревоги, смятения и душевной боли. В тот день она была свободна – накануне сменилась с круглосуточной смены. Она работала сутки через двое, но в любой из этих двух дней ее могли вызвать и в больницу (в которой она уже отдежурила целые сутки) и домой к любому ее маленькому пациенту, и она ехала. Или шла – во что бы то ни стало, в любой час, даже в три часа ночи. Потому, что не могла не пойти. Ее сын давно стал взрослым и привык к беспорядочному ритму маминой работы. Он только сокрушенно качал головой, открывая ей дверь в шесть утра, после того, как четыре часа она провела у кровати тяжело больного ребенка, без конца снижая температуру, вымывая организм клизмой, делая внутривенные вливания и шаг за шагом отвоевывая у смерти маленькое горящее тельце. И, к шести утра, отвоевав окончательно, возвращалась домой, чтобы отправиться на работу к восьми. Ее рано повзрослевший сын качал головой и говорил, что врачом не будет никогда в жизни – потому, что такую собачью жизнь еще надо поискать! Но она была самым счастливым человеком на земле, когда после нескольких часов нечеловеческой битвы, сражаясь страшнее, чем против целой армии монстров, у ее маленького пациента спадала температура, прекращались судороги, а на щеках расцветали розовые бутоны дыхания жизни. Жизни, которая возвращалась обратно, к нему.

Тот день выдался на удивление спокойным и тихим. Поставив перегруженную до предела стиральную машину, она сходила на базар, потом развесила на балконе белье и приготовила обед. Сын должен был вернуться часам к четырем – он занимался в гимназии по усиленной программе и делал не плохие успехи в составлении компьютерных программ. Занимаясь мирными домашними делами, она с радостью думала о своем сыне, о его взрослости, самостоятельности, техническом таланте и добрых глазах. Телефон зазвонил настойчиво и громко. Ну вот, началось. У кого-то поднялась температура, или началась рвота, или выступила красная сыпь... Она взяла трубку. Придется написать сыну, что обед, как всегда, на плите. Истерический голос подруги (которую совсем не собиралась услышать) закричал прямо в ухо странным, надрывным тембром:

– Включи телевизор! Первый канал! Немедленно включи телевизор!!! Новости! ВКЛЮЧИ!!!

Подруга кричала страшно – как не кричала никогда в жизни. Это означало – случилась беда. Выпустив телефон из рук, щелкнула пультом. К счастью, телевизор был настроен на первый канал:

– ... из результатов поисков можно сделать предварительный вывод – детей уже нет в живых. Городские власти из-за страшного происшествия объявили этот месяц месяцем защиты детей из неблагополучных семей. Собрана срочная сессия городского совета, на которой будут обсуждаться меры контроля с помощью инспекции по делам несовершеннолетних над тем, как проводят свой досуг дети. По словам мэра Южногорска господина Устинова этот случай является беспрецедентным. Будут соблюдаться строжайшие меры, чтобы подобное происшествие не повторилось, а пока мы еще раз обращаемся ко взрослым – не оставляйте без присмотра своих детей! Не разрешайте им играть на улице в одиночестве! Все это чревато страшными последствиями. По статистике, каждый третий ребенок, пропавший без вести, становится жертвой несчастного случая. А пока мы напоминаем подробности чрезвычайного происшествия в городе Южногорске. Двое детей, мальчик и девочка 6 лет, играли на улице, во дворе дома. Их мать находилась в квартире. Когда она выглянула из окна позвать детей домой, во дворе их уже не было. Мать вызвала милицию. Работники райотдела милиции, посчитав, что дети могли провалиться в канализационный люк, в подвал или какую-то подземную тре-

щину, вызвали спасателей. Сейчас ведутся спасательные поиски детей, спасатели осматривают практически все районы города, но результатов пока нет. Дети не найдены. Милиция будет благодарна любым свидетельским показаниям. Даже тех людей, которые просто видели детей играющими во дворе. Итак, взгляните еще раз на фотографию детей и запишите номера телефонов, по которым следует обращаться, если вдруг вы встретите этих детей на улице.

И на экране возникла фотография двух Стасиков в карнавальных костюмах котят, та самая фотография, которая стояла в ее комнате на шкафу. Стасики доверчиво улыбались и держались за руки. Ее рука машинально записала на газете номера телефонов. По телевизору начался совершенно другой сюжет.

Она опустила на пол, охнув по – бабы, схватившись за щеки. Ей казалось, что ее лицо горит, как от удара. Как будто кто-то ударил ее изо всех сил. Телефонный звонок заставил прийти в себя.

– Это дети твоей сестры, – сказала подруга, – ты видела сюжет? Пропали дети твоей сестры! Ты видела?

– Да, – голос был чужим, словно со стороны, – я... я не понимаю.... Не могу поверить... Господи...

– Ты записала номера телефонов? Ты должна немедленно туда позвонить!

– Зачем?

– Ну ты даешь! Ты в своем уме, Виктория?! Пропали твои племянники, а ты спрашиваешь, зачем!

– Что я могу сделать?

– Откуда я знаю! Да хотя бы узнаешь подробности! Ведь по телевизору почти ничего не сказали! А ты имеешь полное право знать! И позвони своей сестре. Она наверняка сейчас с ума сходит....

– Не думаю.

– Да ты что, Вика! Как можно потерять двоих детей и не сойти с ума! Любая женщина с ума сойдет!

– Мою сестру ты совершенно не знаешь.

– Все равно, позвони.

– У меня нет номера ее телефона.

– Что?!

– То, что слышала! У меня нет ее телефона! Я его не взяла.

– Но хоть что-то ты о ней знаешь?

– Кое-что...

За три дня до отъезда Стасиков позвонила ее сестра.

– Ты сможешь завтра посадить их в поезд? Я их встречу. Им давно пора вернуться домой!

– Ты уверена?

– Что, собираешься читать мне мораль?! Я в твоих моральях не нуждаюсь! Как женщина, я всегда была счастливей и удачливей тебя! А как мать я не хуже, чем ты! Я очень люблю своих детей и теперь могу многое для них сделать! Между прочим, два дня назад я купила квартиру! Правда, однокомнатную, но надо же с чего-то начинать! Так что мне есть куда забрать детей. У меня все в порядке! Они пойдут в школу, и все с ними будет хорошо!

– У тебя хотя бы работа есть?

– Разумеется, есть! Не радуйся, до панели я еще не дошла! Я работаю продавщицей в магазине и у меня достаточно большая зарплата!

– Продуктовый магазин?

– Элитной парфюмерии и косметики. Шикарный, дорогой салон в центре города. А детей я определю в хорошую школу.

– У тебя просто замечательные дети!

– Это я знаю и без тебя. У меня были раньше проблемы, но теперь все будет по – другому. Теперь все у нас будет замечательно!

– Дети нуждаются в заботе и уходе.

– Вот я им и обеспечу должный уход! Как никак, я их родная мать, и как я забочусь о своих детях, тебя абсолютно не касается!

– Это на зарплату продавщицы в магазине ты купила квартиру?

– А твое какое дело?

– Просто интересно!

– Мне помог друг. Что, имя назвать?

– Нет... (внезапно она ощутила страшный холод в душе... как будто гольшом попала на десятиградусный мороз...). Имя не надо.

– Слава Богу! А то своими вопросами всю душу вымотаешь! Тебе надо работать не врачом, а в ментовке! Я вообще удивляюсь, как ты столько лет на врача выучилась – всегда была дура душой! Вообще, хватит болтать. Меня от тебя уже тошнит! Сажай детей в поезд, и быстро!

И она посадила детей в поезд – даже с некоторой долей радости (если уж признаться совсем честно). А в том телефонном разговоре не спросила у сестры ни адреса, ни телефона. Ничего, чтобы не видеть ее и больше не разговаривать с ней. Все это она рассказала подруге. Подруга выслушала ее молча. Потом сказала:

– Все равно ты должна позвонить. Твоя сестра действительно сволочь, но дети ни в чем не виноваты. Может, к этому моменту их уже и нашли.

Их не нашли. Она поняла это по тому страшному, леденящему равнодушию, с которым на том конце трубки ей ответил человеческий голос. Сначала какой-то мужчина долго не мог понять, по какому делу она звонит. Потом перевел ее в другой отдел. В том отделе ее долго не хотели слушать, а потом заявили, что дело о пропаже детей вообще никто не открывал. Такого дела нет. Но для гарантии перевели в уголовный розыск. В уголовном розыске трубку взял какой-то начальственный хам и принялся орать о том. Что здесь уголовный розыск, а не детсад, что они ловят бандитов и убийц, и не подтирают сбежавшим дебилам сопли, что ей надо звонить в инспекцию по делам несовершеннолетних, а не беспокоить по такой ерунде серьезных людей. Она попыталась сказать, что пропавшие дети – не ерунда. Тогда хам принялся кричать еще громче, что на нем висят убийства и бандитские разборки, и что если двое брошенных детей из неблагополучной семьи провалились в канализационный люк, в этом нет абсолютно никакого уголовного преступления. Она попросила соединить ее с начальником. Ответил, что он и есть начальник, и повесил трубку. Она чувствовала себя как оплеванная, но все равно позвонила по второму номеру, указанному в телевизионном сюжете. Это был телефон штаба спасателей города. Ей сообщили, что, так как дети исчезли несколько дней назад (хотя сюжет по телевизору показали только сегодня!), есть очень маленькая вероятность найти их в живых. Ей привели статистику о том, что уличные дети часто гибнут в канализационных люках. Она ответила, что дети были не уличные. Это были дети ее сестры, а у сестры была и квартира, и работа. Ей ответили, что это без разницы. Она попросила соединить ее с кем-то из милицейских чинов, кто ведет это дело. В этот раз ей повезло больше. На том конце провода ей сообщили, что в их штабе как раз сидит оперативник из угрозыска, который занимается пропавшими детьми. Через некоторое время в трубке раздался молодой женский голос:

– Что вы можете сообщить о пропаже детей?

Голос почему-то звучал очень зло.

– ничего. Я сестра их матери. Звоню из другого города. Я увидела сюжет по телевидению, в новостях и решила позвонить. Простите, с кем я говорю?

– Капитан милиции Жуковская Мария Александровна. Представьтесь!

Она представилась, продиктовала свой адрес, номер телефона, зачем – то – адрес работы и рабочий телефон. Голос не смягчился.

– вы знаете, где находятся сейчас дети?

– Нет... – она растерялась, – а я должна знать?

– Дети могли поехать к вам.

– Нет. Они не приезжали. Разве они уехали?

– У вас есть еще другие родственники, к кому дети могли уехать?

– Нет. Наша мать умерла десять лет назад, а отец умер еще раньше. Мы с сестрой вначале жили вместе, а потом... Потом она переехала в другой город. Разве она не говорила вам, что у нас никаких родственников нет?

– Не говорила. Она не говорила о вас. Даже не упоминала!

– Действительно, в последние годы мы мало общались. Я очень занята своей работой и у меня не было времени.

– Когда вы видели детей в последний раз?

– В январе. То есть почти три месяца назад. Они уехали от меня 12 января. Дети жили у меня почти месяц, приехали в начале декабря. Потом Светлана позвонила и попросила, чтобы я отправила детей домой.

– Почему дети находились у вас так долго?

– Я... не знаю. Наверное, сестра решала квартирный вопрос. У нее были какие-то проблемы... Что за проблемы, я точно не знаю. Но... Она попросила, чтобы я пока подержала детей у себя.

– Почти месяц? В другом городе?

– Ну и что? Я же им не чужой человек! Родная тетька.

– С кем вы живете?

– Вдвоем с сыном.

– У вас есть муж?

– Мы в разводе уже много лет.

– У вашей сестры есть муж?

– Насколько я знаю, Света никогда не была замужем. Но у нее мог быть гражданский брак, о котором я не знала. Насколько я помню, Света числилась матерью – одиночкой.

– Вы знали, что вашу сестру несколько раз задерживали в ночное время как проститутку? Что она стояла на учете как проститутка в милиции?

– Нет...

– Как она обращалась с детьми?

– Ну... Наверное, Света их любила. Все-таки мать...

– Наверное?

– Что вы хотите от меня услышать, да еще по телефону?

– Правду!

– Я не знаю! Мы с ней не общались! Я с детьми знакома больше, чем с ней!

– Соседи показали, что она била детей. Воспитатель в детском саду показала, что дети были голодные, плохо ухоженные, их часто не забирали домой. Узнав об исчезновении детей, ваша сестра не пролила ни единой слезы, напротив, выражала ледяное спокойствие, чем поразила выдавших виды сотрудников милиции. Что вы можете сказать об этом?

– Ничего.

– Вы знаете, кто отец детей?

– Нет. Она никогда об этом не говорила. По – моему, она и сама не знала.

– Таким образом выходит, что ваша нигде не работающая сестра была заинтересована в исчезновении детей.

– Вы что, с ума сошли?! Как это – выходит?! Вы на что намекаете? Что Света сама их выгнала?

– Или убила своим халатным и равнодушным отношением.

– Это не правда! Она не такой человек! Просто ей не везло...

– Следствие выяснит.

– У вас уже есть версии, куда исчезли дети?

– Есть. Скорей всего, они провалились в канализационный люк или просто заблудились.

Их ищут. Мы делаем все возможное.

– Между прочим, моя сестра работала! Она сама мне сказала!

– Где?

– В элитном парфюмерном магазине!

В трубке раздалось громкое хмыканье.

– А магазин, случайно, находится не в Париже?

– Что вы хотите сказать? Что она там не работала?

– Я отправлю вам официальный бланк с вопросами по месту работы срочной почтой, вы заполните все графы и отправите обратно. Не забудьте поставить вашу подпись на каждом листе. На этом ваше участие будет полностью закончено, можете больше не беспокоиться.

– Я и не беспокоюсь. Только о детях. Я...

– Приезжать вам, думаю, не надо. Большая вероятность, что никакого следствия не будет, если с детьми произошел несчастный случай. Кстати, последний вопрос: вы знаете любовника вашей сестры?

– У нее был любовник?

– И не один. Вы что-то знаете об этом?

– Нет, не знаю. Мы не общались. Я ничего не знаю о ее жизни...

– Думаю, сестре вам лучше пока не звонить.

– Я и не собиралась!

– Вы врач, у вас солидное место работы. Вы не могли не заметить, что дети почти инвалиды. Они слабослышащие, с нарушенным зрением, умственно отсталые...

– Они не умственно отсталые!

– У меня есть показания врача из районной поликлиники...

– Я тоже педиатр и классом повыше, чем ваш врач из районной поликлиники! И я могу официально заявить, что дети не были умственно отсталыми!

– Это уже не важно! Я сказала это к тому, что все эти факторы исключают возможность похищения. Таких детей не крадут. Скорей всего, они просто пропали. И все. Ждите документы. Можете мне больше не звонить.

И повесила трубку. Она заплакала, вытерла слезы, потом снова заплакала и решила ничего не говорить Костику. Пока не выяснится. Утром ее срочно вызвали на смену (тяжело заболел врач, который должен был дежурить в тот день в детском отделении). Ее просили заменить. Она согласилась. Даже обрадовалась (хотя бы сутки сможет не думать об этом кошмаре!). День шел мирно, спокойно, без обострений и резких проблем. А вечером (ровно в семь вечера) привезли маленького Диму Скворцова.

Глава 4.

Диму Скворцова привезли в семь часов вечера. В пять минут восьмого к ней в ординаторскую поднялся молоденький фельдшер, дежуривший на приеме внизу. Она только – только прошла в кабинет, чтобы записать некоторые особенности истории болезни пациента, которого привезли днем. Когда фельдшер открыл дверь кабинета, лицо у него было растерянным...

– Виктория Алексеевна, там привезли ребенка лет трех... Я не знаю... такой странный случай...

– В каком смысле – странный?

– Не похоже, чтобы у них был наш полис со страховкой. Они принесли ребенка на руках.

А вы же знаете наши правила...

– Что с ребенком?

– Вообще, он... похоже, умирает или уже умер. Они говорят, что он упал с лестницы, но... Может, отправить их обратно?

– Ты что, с ума сошел?! – от резкости в ее голосе фельдшер попятился, – немедленно идем вниз!

Они сидели внизу, в приемном покое, две женщины разного возраста, и больше не подходящей пары нельзя было даже придумать. Первой была женщина лет 45–50, крашенная худощавая блондинка с нагловатым лицом, одетая со средним достатком, решительно сжимавшая в руках модную сумку. Она сидела с отстраненным выражением лица, как будто все происходящее ее нисколько не трогает, но за командной наглостью скрывалась растерянность. Второй была девица лет 20, худая крашенная брюнетка с длинными волосами и одутловатым лицом. На ней были туфли с высоченными шпильками, кружевные черные чулки, кожаная юбка, больше похожая на пояс и даже не закрывающая черные трусики, и узкая полоска малинового топа, из – под которой вываливалась тощая грудь. Девица была крашена очень ярко и безвкусно. Длинные фиолетовые ногти (похожие на хищные когти птицы) нервно теребили серебристый мобильник. В некотором отдалении от них (если точно, то через стул от старшей из жenin) лежало что-то, завернутое в большую белую простыню. На белой ткани отчетливо проступали обильные алые пятна.

При виде врача (то есть ее) они даже не встали, продолжая сидеть с таким же отрешенным видом, как будто они – случайные посетители, и сидят не в приемном покое больницы, а в метро.

– Что случилось? – они вздрогнули от ее вопроса. Ей было достаточно одного взгляда (все-таки высоко профессиональный врач), чтобы понять: девица находится под действием наркотика. Похоже, под приличной дозой героина, который и вызывал отстраненность, застывшую в ее мутных глазах.

– Что с ребенком? Где он?

Старшая встала, разворачивая белую простыню... Резким тоном сказала:

– Он упал с лестницы!

– Кто его родители?

– Я его мать, – отозвалась девица, даже не глядя в сторону ребенка.

– У вас есть страховой полим платной медицинской службы «Инфомед»? (она обязана была постоянно ставить раньше, чем спрашивать о симптомах болезни). Только Бог знал, каким нестерпимым грузом подчас давил этот вопрос на ее горло!).

– Нет, – сказала девица, – мы просто живем поблизости, через несколько домов, поэтому пришли сюда. Если что – я все заплачу наличными. Вы дайте ему какие-то таблетки, а в больницу его ложить не надо!

Она склонилась над холодеющим маленьким тельцем... Это был маленький мальчик, худенький, с цыплячьей шейкой, выглядывающей из потертого джемпера, непослушными рыжими вихрами и веснушками... Он был без сознания. Убогая одежда пропиталась кровью.

– Сколько ему лет? – они никак не отреагировали на ее вопрос. Она прикрикнула: – Сколько ребенку лет?!

– Три года и один месяц, – сказала старшая. И снова добавила (но уже менее уверенно) – он упал с лестницы.

– Вы бабушка? – спросила она.

– Нет. Я просто знакомая.

– Няня! – добавила мать, – она няня. Смотрела ребенка. Он у нее находился.

Она обернулась к фельдшеру, который стоял за ней с недовольным выражением лица. Резко бросила:

– носилки и приготовить смотровую! Всех собрать!

– Филипп Викторович будет недоволен... Он еще в прошлый раз заметил... У нас с вами будут неприятности...

– Я сказала – носилки! – и, не в силах выдержать ее взгляд, фельдшер поплелся выполнять приказание.

– Если есть какие-то проблемы, мы пойдем в другую больницу! – равнодушно бросила девица, – все равно уже время потеряно....

– Время потеряно? – переспросила, словно не понимая русский язык.

– Для моей работы! Я по ночам работаю! – заявила девица.

– Вы что... ребенок... он же... – она почти задохнулась, – он...

– А, отлежится, и ничего! – девица махнула рукой, – так уже бывало не раз! Но лучше все-таки дать пару таблеток.

Она не успела ответить – прибыли носилки. Она переложила ребенка на них, отшвырнув прямо на пол грязную простыню, и побежала вперед так быстро, как только хватало сил. Капельницы... раствор, быстро текущий в вену... Аппарат считывания сердечного ритма... Дорогостоящее оборудование современной реанимации... Все это могло обмануть кого угодно, но только не ее... Мальчик умирал. И вся эта бесполезная куча железа не сможет его спасти... Мальчик умирал... В висках топором палач стучало самое страшное словно на земле: поздно. Слишком поздно. Поздно... Опустив руки, она стояла, глядя в его лицо. Бледное маленькое лицо, с которого близкая смерть уже снимала прекрасные детские краски. Ее сердце пронизывали боль и отчаяние, настолько сильные, что не могла устоять на ногах. Темнота подступала к глазам. В сердце словно вонзался раскаленный нож. Она захлебывалась собственными отчаянием и беспомощностью....

Она вспомнила, что так уже было – однажды. Вспомнила совершенно не связанный с этим момент, но так уж устроена человеческая природа – пытаться амортизировать свою боль... Ее память словно ставила амортизирующий барьер из прошлого между тупым отчаянием и ее мозгом.... Это было на втором курсе, когда они проходили курс в анатомичке. В тот день им предстояло анатомировать труп ребенка. Мальчика пяти лет, умершего от врожденного порока сердца. Профессор, который вел курс, предложил ей сделать первый разрез (она была одной из лучших студенток в их группе). Она подошла к столу. Ребенок был как живой. Ей казалось, он спит. Просто спит, его надо немного потрясти за плечо и разбудить... она протянула руку и прикоснулась к его плечу, почувствовал пальцами твердый лед. Профессор удивился:

– Что вы делаете?!

Отчаяние и беспомощность... отчаяние и беспомощность, захватив в вихрь, чуть не сбили с ног, не разорвали ее мозг... отчаяние, чужая боль и беспомощность... Словно впервые в жизни с ее глаз спала пелена и она по – настоящему увидела жестокую неизбежность равно-

душной смерти. Зарыдав, она бросилась прочь из морга. Никто не стал ее удерживать. Потом, запершись в женском туалете, она рыдала почти час, рыдала отчаянно, без остановки, словно у нее разорвалось сердце. Это был первый случай на весь институт. Обычно после работы в анатомичке студентки бежали в женский туалет не с рыданиями, а с жестокой рвотой... На следующий день профессор сказал ей:

– Вы слишком остро воспринимаете чужую боль. Это плохое качество для врача. Иногда врач должен причинять боль, чтобы спасти от еще больших страданий.

Но что она могла сделать, если это были и отчаяние, и беспомощность? И вот теперь отчаяние и беспомощность снова упали на ее мозг, только удесятились в своем размере.

Мальчик умирал. Она знала это так ясно, как знала свое имя. Он был почти мертв, когда его привезли в больницу. И только современное оборудование реанимации поддерживало в нем тоненькую нить жизни этот час, поддерживало, но все-таки не могло удержать до конца. С лица ребенка оттерли кровь. Но в уголках губ не исчезала алая тяжелая капля. С каждым вздохом, когда в его легкое вонзалось поломанное ребро, эта капля становилась все больше и больше. Он был очень красив, этот малыш с непокорными рыжими вихрами, которые вились из – под больничных проводов, словно протестуя против неизбежной жестокости смерти. И трогательные веснушки на восковой коже были похожи на маленькие погасшие солнца. Боль становилась все больше. Теперь это была боль не беспомощного перед лицом смерти врача, а боль женщины и матери – матери, чей сын спит дома в теплой кроватке. Трехлетний ребенок с травмами, не совместимыми с жизнью! Какие грехи мог так страшно искупать трехлетний малыш?

Внезапно ее мысли приняли другое направление. Она вспомнила холодную констатацию фактов во время осмотра. Черная корка засохшей крови запеклась вокруг губ. Раздвинув губы (чтобы выяснить происхождение этой корки), она с огромным удивлением обнаружила, что у ребенка не хватает двух зубов на нижней челюсти. И эти зубы он не мог выбить при падении! Похоже, зубов не было там давно. Она похолодела: каким образом ребенок трех лет мог потерять два нижних зуба? Дальше – больше. На теле – застарелые синяки. Неправильная форма кисти руки (как после перелома, на который не накладывался гипс). Кровоизлияние в мозг и рваные раны на голове, под волосами. Сломанное ребро, которое врезалось (нет, вмялось!) в легкое. Кровавые раны на спине и какой-то обрыв вдоль позвоночника... Обрыв... Вернее, разрыв. Не веря себе, она вызвала коллегу их хирургического отделения. Пожилой мужчина лет 60 – ти был в таком шоке, что почти не мог говорить. Но заключение его не вызывало сомнений... Поспешив выдать это страшное заключение, он поторопился сбежать из реанимации, как будто в ней поселилась чума. Когда он выбежал (забыв даже закрыть за собой дверь), глаза его подозрительно слезились. Она стояла у кровати, держа в своих застывших руках крошечную ладошку. Мальчик дышал тяжело. Все реже и реже... он распахнул глаза (удивительные черные глаза, похожие на две оливки) широко – широко, не жмурясь от яркого света ламп... с удивлением сделал круг глазами по комнате. Потом остановился на ней. Влажные детские глаза удивительной красоты. Глаза ангела. В них светилось спокойствие. И какая-то радость. Или не радость... но это было очень трудно назвать... Словно то, что он видел, то, что не могла видеть она сделало его старше и мудрее, чем целый мир. Он что-то прошептал. Она наклонилась ближе. Он повторил громко и отчетливо:

– Мама! – потом еще раз, внятно и разборчиво, – мама.

Из угла губ потекла обильная алая струя на простыню, на светлую грудку. Она наклонилась закрыть ему глаза. Он заснул и ушел. Фельдшер, отворачивая лицо, выдернул капельницу. Старшая медсестра плакала, по ее полному добродушному лицу катились потоки слез:

– Какой красивый мальчик... ужасная смерть... какая нелепая смерть – упасть с лестницы!

Она обернулась так резко, как будто ее ударили током. Что-то с громким звоном полетело на пол. Ее глаза были абсолютно сухи, а в голосе появилось что-то новое.

– Он не упал с лестницы! – звенящим голосом сказала она, – его убили! Его зверски избили, и смерть наступила не от падения с лестницы, а от побоев!

Старшая медсестра была так поражена, что даже перестала плакать. А фельдшер чуть не выронил из рук бутылку с физраствором. Оба уставились на нее.

– Его убили, – повторила она, – и побои эти были нанесены чем-то тяжелым. То есть металлическим, если перебит позвоночник. Только металлом...

И вышла из реанимации. В своей ординаторской она зашла в ванную, но в этот раз не стала рыдать. Просто умыла лицо холодной водой и на несколько минут закрыла глаза. Потом подошла к телефону и сделала три звонка: в милицию, в уголовный розыск и в прокуратуру.

Приехавшая милиция арестовала обеих женщин прямо в приемном покое больницы. Младшая так и не поняла, за что ее арестовывают, а старшая не противилась. Через сутки мать отпустили. Няня (после того, как в СИЗО ее избили товарки по камере – есть преступления, внушающие отвращение даже представителям криминального мира) призналась в убийстве ребенка и показала, где находился обрывок металлической трубы и молоток, которыми она нанесла увечья ребенку. Мать, 23-х летняя профессиональная проститутка, нашла няню по объявлению в газете. Мать работала по ночам в ресторане, днем спала и мечтала избавиться от ребенка. К тому же, она давно сидела на игле. Прочитав в газете о том, что опытная няня может присматривать за ребенком на дому, спланировала ей малыша. Ребенок должен был находиться у нее постоянно, няня за свои услуги получала 200 долларов в месяц. Няня, бывшая школьная учительница 47 лет, бездетная вдова, открыла в своей трехкомнатной квартире что-то типа частного детского сада для малышек. Мальчик стал четвертым ребенком, кроме него, у няни постоянно находились еще один мальчик и две девочки – 4,5 и 3, 5 лет. Побои и издевательства были обычным делом. Методом воспитания были кулаки, ремень и металлическая труба. Няня избивала ребенка на протяжении 6 месяцев. Наркоманка – мать за эти месяцы приезжала к ребенку всего 4 раза. В тот страшный день мальчик забрался в ванную и вылил на пол дорогой шампунь. В ванной меняли трубы. Взбешенная няня схватила обрывок металлической трубы и молоток, оставленные рабочими, и решила его проучить. Когда, захлебываясь кровью, ребенок упал на пол и потерял сознание, она перепугалась. Позвонила матери. Та велела везти его в ближайшую больницу и приехала туда из ресторана, злая, что ее оторвали от выгодного клиента. Трех остальных детей забрали из квартиры няни и поместили в больницу. Девочка 3, 5 лет умерла через сутки от кровоизлияния в мозг в результате постоянных ударов по голове. Остальных двух детей удалось спасти.

Процесс над няней – убийцей наделал много шума. И на какое-то мгновение она оказалась в центре внимания как героиня, сумевшая обнаружить убийцу. Знакомые и друзья откровенно подтрунивали над ее временной славой, а на работе – сердились. На следующее утро после смерти ребенка и после ареста двух подозреваемых у нее дом раздался телефонный звонок. Металлическим голосом секретарша директора сообщила, что директор и владелец платной медицинской службы «Инфомед» Грабовский ждет ее в 3 часа дня у себя в офисе.

Глава 5.

Филип Грабовский был импозантный мужчина, но лучше всего смотрелся с телеэкрана. Зная это, господин Грабовский специально покупал лучшее эфирное время на всех телеканалах, вешающих в городе (и местных, и столичных), чтобы по несколько раз в день с разных передач и рекламных блоков в миллионный раз обрушить на город поток своего красноречия о том, что... О том, что платная медицинская служба «Инфомед» – это лучшая альтернатива бесплатной медицине, существующая во всем мире. О том, что «Инфомед» – это не только новенькие немецкие машины скорой помощи с яркими наклейками принадлежности к фирме, но и поликлиника, и центр неотложной помощи, и больничные корпуса с разными отделениями, в том числе и роддом, и детское больничное отделение, и спортивный комплекс с сауной, тренажерами и бассейном, и семейная медицина, и страховая медицина, и... (далее см. с начала предложения). О том, что цены в «Инфомед» самые низкие в городе, намного ниже, чем в «бесплатных» государственных больницах. О том, что равного оборудования нигде нет. О том, что все врачи – специалисты высшего уровня. О том, что заграничный сервис поставлен на лучшую ногу. О том, что в «Инфомед» существует система рассрочки и безналичной оплаты, и что любой человек вне зависимости от его материального положения может обратиться туда и получит самую квалифицированную помощь, и это будет по карману всем. О том, что... И о многом другом тоже. Господин Грабовский тщательно готовил свои выступления и рекламные тексты. Когда он начинал говорить, морщины на его лице разглаживались, кровь прилиwała к коже, глаза зажигались ярким блеском и он переставал напоминать того, кого увидела она в нем еще при поступлении на работу в «Инфомед». она увидела змею. И действительно: что-то змеиное, скользкое было в его худой до болезни фигуре, особенно когда он поднимался из-за стола во все свои 190 см. И в гладких, зачесанных назад черных волосах (чтобы они лежали гладко, он специально смазывал их гелем для укладки). И в щелках – глазах с хищным выражением. И в белой болезненной коже. И в остром подбородке. И в узких губах (настолько узких, что казалось: губ на этом лице вообще нет). Он был похож на длинную черную змею, сделавшую боевую стойку и раскачивающую своей плоской головкой. Она не любила разговаривать с ним: ей казалось, что в любой момент из – под узкой полоски губ высунется змеиное жало вместо языка. Все сотрудники «Инфомед» (по крайней мере, большинство из них) знали о том, что Грабовский, выступающий по телевизору и Грабовский у себя в офисе – это два разных человека. Как знали и то, что по сравнению с красивыми рекламными текстами в реальности все обстоит немного (если сказать очень мягко) не так. Господин Грабовский проживал в трехэтажном особняке в одном из самых престижных районов города, и стоимость особняка превышала пять миллионов долларов. Обожал двух собак (огромных ротвейлеров) и был абсолютно равнодушен к жене, шлюховатой блондинке лет 30, которая возглавляла терапевтическое отделение (а на самом деле возглавляла всю медицинскую часть и беспардонно вмешивалась в работу других отделений, в диагнозы и способы лечения абсолютно всех врачей, даже профессоров и академиков, медицинских светил, которые, польстившись на высокую зарплату ушли из своих бесплатных больниц, а за это теперь были вынуждены терпеть наглые капризы безграмотной дуры, купившей диплом мединститута. Ходили слухи, что до «повышения» жена Грабовского работала простой... Медсестрой). Самым интересным фактом был тот, что Грабовский не имел медицинского образования, а свой единственный диплом какого-то технического вуза купил, уже создав и возглавив фирму «Инфомед».

Ровно в три она поднялась в шикарную приемную, оформленную просто с неприличной роскошью. Посередине оазиса пальм бил мраморный фонтан, а мебель была в мавританском стиле. В глубине единственным предметом деловой обстановки был стол секретарши с компьютером, но и тот маскировался какими-то нелепыми столиками и кушетками. Вообще,

вульгарная безвкусица, в которой из каждой щели лезли деньги. Рядом с дверью кабинета Грабовского была дверь кабинета его жены (а заведующие остальных отделений вообще не имели своих кабинетов, они ютились в ординаторской вместе с другими врачами). Увидев ее, секретарша кивнула и, состроив сосредоточенное лицо, пошла к боссу. Когда вышла (распахивая перед ней дверь), она направилась в «святые святых». Кабинет Грабовского был обставлен просто, почти аскетично, если б не одна деталь-то, что все предметы обстановки в его кабинете были супердорогими. Самыми дорогими из всех, которые только можно купить за деньги. Грабовский сидел за столом, лицо его было мрачным до предела, глаза сверкали молниями и он больше, чем когда – либо, напоминал гремучую змею. Небрежно указав ей на современное кресло перед столом (сплошной пластик и металл), он бросил прямо:

– Это правда, что вы вчера привели сюда милицию?!

Она онемела, ожидая все, что угодно, только не это. Думая, что речь пойдет о подробностях смерти ребенка, она заранее приготовила письменное объяснение всем событиям и принесла эту бумагу с собой. После трагедии она не спала ни секунды (хотя та ночь ее дежурства выдалась относительно спокойной потом), не спала и утром, вернувшись домой. Готовясь к разговору (немного зная характер Грабовского, она подозревала, что беседа может оказаться тяжелой), она тщательно продумала одежду и надела широкие черные брюки и черную блузку (словно траур). Без косметики ее лицо выглядело очень усталым и постаревшим, но, готовясь к встрече, доставать косметичку у нее не было сил.

– Я знаю, что вы звонили не только в милицию, но и в уголовный розыск, и в прокуратуру. Вы что, сошли с ума?!

– Нет! – она решительно выпрямилась в кресле, – у меня были основания позвонить.

– Основания?! – Грабовский стал желтым, – единственные ваши основания – это думать о престиже фирмы, о том, чтобы не сделать неприятности фирме, в которой вы работаете! А все остальные основания должны катиться к черту!

– Я так не считаю. Прежде всего я врач, и должна думать о человеческой жизни.

– В данном случае речь не шла о человеческой жизни! Только о глупости, которую вы совершили! Вы натравили на меня прокуратуру, милицию, газеты, телевидение, вы ославили мою фирму на каждом углу! Подумать только, какие неприятности вы обрушили на мою голову! «Инфомед» у всех на языке! Да от всего этого можно сойти с ума! Как вы могли так подло поступить? Вам что, нечего было делать?

Она смотрела на него во все глаза. Потом положила перед ним лист бумаги, который принесла с собой. Он пренебрежительно смахнул его в сторону.

– Что вы мне суετε?! Я все равно запутаюсь во всех этих ваших медицинских терминах! Что вы мне морочите голову?

– Похоже, вы просто не в курсе событий! Прочтите – там нет медицинских терминов. Прочтите, и вам все станет ясно.

Грабовский нахмурился еще больше (хотя больше, кажется, было невозможно) и прочел. Потом сказал:

– Ну и что? У этих людей был наш страховой полис?

– Нет.

Одним из незыблемых правил фирмы «Инфомед» было не подпускать бесплатных пациентов даже близко! На еженедельном собрании это вдалбливали в головы всем сотрудникам не один раз, а десять, сто, и кто нарушал это правило, наказывался довольно жестоко (к примеру, полным лишением зарплаты на 1–2 месяца).

– они внесли деньги в кассу?

– За что?

– Я вас спрашиваю: они внесли деньги в кассу, прежде чем вы осмотрели ребенка?

– Вы что, смеетесь? Ребенок умирал!

- Он ведь все равно умер, не так ли? Они внесли деньги?
- Я даже не спрашивала о деньгах! Мне было не до них!
- Понятно. Одно наше правило вы нарушили. И, зная, что вы виновны, бросились звонить в прокуратуру? В милицию?
- У меня не было другого выхода! Ребенок был убит, и доказательства были слишком свежи и отчетливы, чтобы молчать.
- У вас был выход. Вы могли посоветоваться с кем-то вышестоящим – к примеру, с моей женой!
- Я не сочла нужным!
- Ах, вот как! Вы не сочли! Но можно было не принимать ребенка, а хотя бы отправить его в бесплатную больницу! Пусть даже в нашей машине!
- Нет, нельзя! Он мог умереть в машине. Я никогда так не поступлю! Я никогда не вышвырну умирающего ребенка на улицу!
- Но он же все равно умер!
- Я надеялась его спасти! Но, к сожалению, было слишком поздно....
- А о том, какую репутацию вы создали нашей больнице, вы не подумали? Теперь все будут думать, что в «Инфомед» умирают пациенты! Мало того, что вы привели сюда милицию с прокуратурой, так еще и не спасли! Вы не смогли спасти пациента! Вы создали больнице репутацию заведения, в котором врачи позволяют пациентам умирать! И это разом перечеркивает всю нашу рекламную компанию! Да кем вы себя возомнили?
- Ребенка нельзя было спасти. Никто бы не смог. Ни одна больница мира. В этом случае медицина была бессильна!
- Надо было пригласить хотя бы мою жену, чтобы она это подтвердила!
- Во – первых, ваша жена не педиатр и вообще очень плохой врач, во – вторых, она бы просто не успела доехать, а в третьих, моя квалификация и опыт работы намного выше, чем у вашей жены!
- Понятно. У вас на все готов ответ. Если моя жена плохой врач, то какой вы? У вас умирают пациенты, а у нее – нет!
- Потому, что она не дежурит по ночам и не работает столько, сколько я! И еще потому, что из-за ее безграмотности всех ее пациентов ведут другие врачи, в том числе и я!
- Хватит! – Грабовский хлопнул рукой по столу, – вы совсем потеряли голову – вести со мной разговор в таком тоне! речь не о моей жене, а о вас! И с вами я должен решить, как вести себя дальше!
- Со мной?
- Разумеется! Если б вы не были первоклассным специалистом, и бы вышвырнул вас на улицу еще утром! С другим врачом я бы так и поступил! Но вы представляете некий интерес для моей больницы, пациенты вас любят. Поэтому я пригласил вас сюда, чтобы вы сознали свою ошибку и....
- Ошибку? Я не считаю это ошибкой!
- Очень плохо! В этом случае мы можем с вами не сработаться!
- Вам решать!
- Конечно, кому же еще! Кстати, у вас, кажется, есть сын? И вы одна его содержите?
- Какое это имеет отношение к делу?
- Прямое! Самое прямое! Еще одна ошибка, и вам придется содержать сына на зарплату врача в районной поликлинике! А если вы не измените свой характер, то советую заранее запастись для него талонами на бесплатный школьный обед!

На этом разговор был закончен. Она встала и вышла из кабинета. Ей показалось, что секретарша посмотрела на нее с некоторым подобием сочувствия... В коридоре детского отделения (она зашла посмотреть, как чувствуют себя некоторые, самые тяжелые из ее пациентов,

если уж оказалась здесь) на нее попыталась наброситься почти с кулаками жена Грабовского, но она быстро увернулась от нее и пошла к выходу.

Следующим утром ей позвонила мама одного из ее маленьких пациентов. Звонок раздался в тот момент, когда она выходила из ванной и выжимала мокрые волосы пушистым полотенцем. В тот момент она думала только о чашке ароматного зеленого чая, которую сейчас себе приготовит, поэтому схватила трубку машинально. Не задумываясь о том, что могут ей сообщить. Но стоило ее собеседнице произнести первые фразы, как сосредоточилась автоматически, как всегда происходило с ней в трудный момент. Женщина истерически рыдала в трубку о том, что ее близкая подруга в беде, сын подруги умирает сейчас в детском отделении клиники «Инфомед» и от капельницы, которую ставят все время, ему становится все хуже и хуже, и что единственный человек, способный помочь, это она, потому, что они знают ее как врача и доверяют... Ванная, чай, мокрые волосы, неприятности и переживания – все мгновенно выветрилось из ее головы и профессиональным тоном стала задавать вопросы. Ситуация была следующая: к ней приехали друзья из Израиля и мальчик тяжело заболел. По своей страховке женщина решила отвезти мальчика 9 лет в клинику «Инфомед». Врач, который встретил их в приемном покое, предложил один способ лечения и, для начала, сделать все необходимые анализы в срочном порядке, но в этот момент в детском отделении появилась зав. Терапевтическим отделением (жена Грабовского), разыскивая кого-то (ее – она должна была дежурить, но из-за замены ее дежурство перенесли) и заявила, что мальчику идеально подходит новое лекарство, которое всего пару дней назад их фирма закупила в Германии, что это лекарство идеально именно в таких случаях и вообще подходит абсолютно всем. Универсальный современный препарат. Родители и женщина согласились. Мальчику поставили капельницу. Ему стало хуже. Ребенок начал задыхаться, жаловаться на иголки, который колют руки и ноги, почти посинел. Но врач (к тому времени жена Грабовского прогнала дежурившего в отделении детского врача, прогнала в полном смысле этого слова) заявила, что капельницу снимать не надо, что плохо ребенку от его болезни, а вскоре ему станет намного лучше. Перепуганная женщина бросилась звонить в больницу. Когда, ворвавшись в палату, она увидела ребенка, то мгновенно выдернула иглу капельницы из вены. Мальчик задыхался, синел, у него отнимались руки и ноги, он без конца плакал и временами терял сознание. На лицо были все классические симптомы аллергии на препарат и начало внутреннего ожога... Внутренне она содрогнулась: еще несколько часов, и несчастному ребенку не смогла бы помочь никакая реанимация! По дороге в больницу она с ужасом вспоминала разговоры, ходившие среди врачей, о том, что в «Инфомед» завезли немецкий препарат, не прошедший никакую официальную проверку, и что за тестирование этого препарата на пациентах немецкая фирма заплатила Грабовскому огромную сумму денег. Врачи содрогались, что препарат станут применять всем, хотя ни показания его, ни противопоказания в точности не были известны. Выдернув иглу из вены, она обернулась, чтобы отдать необходимые распоряжения медсестре, как дверь палаты распахнулась и на пороге возникла жена Грабовского. Весь их диалог (вернее, монолог) свелся к потоку оскорблений и мата со стороны мадам Грабовской, которая почти накинулась на нее с кулаками, как базарная торговка. Она даже попыталась отшвырнуть ее от кровати и всунуть иглу обратно в вену (ребенок, увидев это, зашелся в истерике). Заслоняя ребенка собственным телом, она попыталась сказать о том, что у мальчика лекарственная аллергия, что этот препарат ему вреден. Грабовская продолжала кричать, что препарат гипоаллергенен, что анализы не были сделаны потому, что их и не надо делать и что это лекарство подходит абсолютно всем. Тогда более решительно она потребовала у Грабовской, которая, собственное, не является педиатром, предоставить самой заняться лечением (вернее, спасением) ребенка, тем более, что она знала в точности, что надо сделать. Но Грабовская раскричалась еще сильнее о том, что не позволит ей взять в этой больнице ни один препарат, и что вытолкает ее в шею. Мама мальчика, невольная свидетельница происходящего, стоя возле кровати ребенка, рыдала и заламывала

руки. Тем временем ребенок все больше задыхался и синел, нельзя было терять ни секунды. Она схватила ребенка на руки и решительно вынесла из палаты, не обращая на вопли Грабовской больше никакого внимания. В приемном покое она решительно потребовала предоставить ей больничную машину, и, когда машину быстро дали (в больнице она пользовалась безграничным уважением), она отвезла ребенка в бесплатную областную больницу.

Ей повезло. В тот день в больнице дежурила ее однокурсница, с которой они учились в одной группе и поддерживали дружеские отношения. Та мгновенно оценила ситуацию и вдвоем они покатали мальчика в реанимацию. Она начала правильное лечение и через несколько часов ребенок был спасен. Опасность миновала. Мама мальчика по – прежнему рыдала, но только теперь – от счастья, и все пыталась поцеловать ей руки. Когда состояние ребенка стабилизировалось полностью, она, счастливая и окрыленная (все-таки эту жизнь она спала, ни смотря ни на что!) вернулась домой. И радость ее не могло умалить даже знание о том, что в этот раз она точно будет уволена. Ну и что, если ее уволят? Все равно невозможно работать в таких условиях! В таких условиях не сможет работать ни один нормальный и уважающий себя профессионал! Но все равно – в глубине таилась мысль: а вдруг ничего страшного, а вдруг Грабовский еще не уволит и поймет, что она права, и все будет хорошо, и условия ее работы улучшатся, вместо того, чтобы ухудшиться... Но утром ее вызвали по телефону в офис и Грабовский ее уволил. При чем уволил в грубой, хамской форме и даже не выплатил положенных денег, попросту зло украл ее зарплату. Для него это были гроши, а она так нуждалась в них! От несправедливости она почти заболела, а, вернувшись домой, проплакала весь день. Кости утешал, как мог. Он был рад – ему не нравилось, что из-за постоянных конфликтов с начальством она вечно ходила издерганная. От утешал ее тем, что в районной поликлинике хотя бы не будет ночных дежурств. Она плакала и соглашалась. На этом фоне для нее померкло исчезновение Стасиков. Когда она пришла в себя, с момента их пропажи прошло больше семи дней.

Глава 6.

В тот день, когда Костик спросил о том, приедут ли Стасики на каникулы, подруга вернулась к ней еще раз, вечером, и застала ее плачущей на диване. Застать ее плачущей было так странно, что подруга растерялась. Они никогда не плакала, ни в какой ситуации (а тяжелые моменты бывали в ее жизни не раз), и в глубине сердца подруга вообще сомневалась, что она умеет плакать. Но в этот раз – она сидела на диване, закрыв руками лицо, одна в темной и пустой комнате, и раскачивалась из стороны в сторону, пропуская пряди волос сквозь скрюченные пальцы. Перепугавшись, подруга включила свет (хотя с порога была предупреждена Костином, что мама в таком состоянии, что ее лучше не трогать):

– Вика, что с тобой? Что с тобой происходит?!

– Я виновата... – в ее голосе звучали судорожные рыдания, – О Господи, как же я виновата...

– В чем? – подруга рухнула рядом с ней на диван, – в чем ты виновата?

– Я спасаю чужих людей... Я так сильно переживаю за чужих людей, а своих не спасла... Я ведь знала, Господи, я видела и все знала... Я знала, что она плохо с ними обращается, заставляет голодать, бьет, видела, что дети ей не нужны, что она просто мечтает вышвырнуть их на улицу, что считает этих детей своим наказанием или проклятием... Но я специально закрывала глаза! Я не хотела видеть! – оно оторвала руки от лица и бухнула кулаком о подлокотник дивана, – да я должна была потратить часть своих денег и забрать этих детей к себе! Поехать и забрать к себе! Оформить опеку или что там еще делают... Или просто забрать, без оформления всех этих бумаг! Я же видела, что им плохо! Но я эгоистка, гнусная тварь... Меня ужасала сама мысль, что я возьму ее детей... Я пыталась ненавидеть детей так же, как ненавижу ее, и думала, что поступаю правильно! А теперь... Дети не могут быть виноваты. Господи, да я готова себя за это убить! Это я, я одна во всем виновата!

– Прекрати! – подруга крепко сжала ее плечи, – прекрати немедленно так себя терзать! Ты ни в чем не виновата! Любой человек поступил бы на твоём месте так!

– Нет, не любой! Я не любой человек! Я всегда считала, что люблю детей, я спасала их, спасала сотнями, а теперь предала двух самых беззащитных и несчастных...

Из ее глаз потоком хлынули слезы, заливая лицо, руки, диван...

– Ты не предала... – снова попыталась подруга.

– Нет, предала! Сегодня я поняла это с отчетливой ясностью! С такой ясностью, что перепугалась сама! Увидев все это, я просто по – настоящему перепугалась! Я должна была забрать у нее детей! Должна была забрать! И если б я их забрала, с ними бы ничего не случилось! Как я могла поверить в то, что из моей сестры получится хорошая мать?

– Успокойся! Согласись – тогда тебе бы даже не пришло в голову, что такое может случиться! Да никому бы не пришло! И потом, какой бы матерью не были твоя сестра, но ведь она была их матерью, верно? И по – своему она их любила – так же, как дети любили ее.

– Да никогда она их не любила! Она вообще не способна любить! Такие, как она, не способны на человеческие чувства! Спорю, она сейчас безумно рада, что избавилась от такой обузы! Да они мешали ей жить и она их ненавидела!

– Как ты можешь такое говорить?!

– Могу! Я ее знаю! Она даже не задумается о судьбе детей, даже не опечалится, что их нет!

– Рано говорить, что их нет. Может, они еще живы.

– Может. Но в это никто не верит. Никто...

– А ты сама?

– Я не знаю... Теперь я уже ничего не знаю...

Подруга обняла ее, понимая, что единственный способ успокоить – это дать выплакаться. Особенно, если плачет человек, не умеющий плакать, привыкший все свои слезы держать при себе. Она плакала. Темнота за окнами становилась все гуще. Фотография на шкафу по – прежнему лежала изображением вниз.

Подруга осталась у нее ночевать. И полночи они просидели на диване, обнявшись и плача, разговаривая о прошедших ошибках и еще о том, как можно было их не совершить, и о каких-то неинтересных, не значительных бытовых мелочах, которые вдруг стали очень значительны и важны в острые моменты тревоги. Они разговаривали и плакали, слыша, как за окном продолжает бушевать ветер, разрывая ветви деревьев и обрывки мыслей, ветер, взявшийся ниоткуда, из теплого дня с ясным небом и городом, залитым потоками солнечного огня. Много позже, поговорив обо всем, подруга вдруг спросила ее (вернувшись к страшной теме, которую, оставив в прошедших двух часах, они уже старательно избегали):

– А ты хоть что-то знаешь о своей сестре?

– Ничего, – она немного удивилась, – а что ты имеешь в виду?

– Ты не знаешь, был ли у нее постоянный мужчина?

– Нет. Я не знаю. Но при чем тут это?

– Вспомнилась одна история... Я читала ее в газете... Это была история (криминальная, кстати сказать) об одной женщине, которая встречалась с женатым мужчиной. Его жена узнала об этой связи и выкрала ребенка женщины, поставив условие, что вернет ее ребенка, если она оставит в покое ее мужа. И закончилось все это знаешь чем? Женщина обратилась в милицию, похитительницу поймали, ребенка вернули (та держала его на даче своих знакомых) и все закончилось хорошо.

– Ты хочешь сказать, что с моей сестрой возможна та же история?

– А почему нет? Ведь ты сама говорила, что она была не разборчива в связях, у нее было много мужчин. Ей ничего не стоило разбить чужую семью. Может, здесь случилось что-то подобное?

– Может... Только я не понимаю, почему такое пришло тебе в голову?

– Я объясню! Вот представь себе: белый день, город, двор, окруженный домами (пусть даже в этом дворе никого нет). Во дворе играют двое детей. Ты представляешь себе, как можно схватить в охапку двоих детей и протащить через весь двор среди белого дня? Да они поднимут такой крик, будут так верещать и вопить, что хоть один человек, но высунется в окно! Я не поверю, что на истерические детские крики не выльнет какая-то любопытная старушка! А тут нет ни свидетелей, никто не слышал никаких криков. Может, я не совсем ясно объясняю свою мысль, но... Но мне кажется, что детей не хватили и не тащили через весь двор! Они могли пойти добровольно, сами, к примеру, с кем-то знакомым...

– Что?!

– Ну... с кем-то из тех, кого они видели, хорошо знали. С кем-то из знакомых своей матери! Понимаешь, что я имею в виду?

– Они могли пойти со знакомой женщиной?

– Не обязательно женщиной! Это мог быть и мужчина. К примеру, мужчина, с которым встречалась их мать...

– О Господи... Действительно, в твоих словах есть резон. Но у следствия другая версия – о том, что дети упали в канализационный люк или в пещеру.

– А, – подруга пренебрежительно махнула рукой, – такая версия проще всего – и стоит не дорого! Но ты сама подумай: дети выросли в этом дворе, на этой улице, и не знали, где находятся опасные канализационный люки?

– Они не выросли в этом дворе. Сестра купила эту квартиру всего несколько месяцев назад и дети жили в этом районе всего несколько месяцев.

– Значит, ты хоть что-то о ней знаешь!

– Совсем не много! Знаю еще то, что ее задерживали за проституцию. Как уличную проститутку, прямо на тротуаре. И я не представляю, как солидный женатый мужчина мог держать подобную любовницу...

– Ну, дорогая моя, ты ничего не знаешь о мужчинах! Солидных женатиков тянет именно к грязным проституткам! А твоя сестра...

– Моя сестра была дрянью, и, если исходить из твоих слов, она погубила своих детей!

– Господи, да прекрати ты делать такие выводы! Я просто сказала то, что пришло мне в голову, а ты уже вывела целую теорию!

– Ничего я не вывела! И вообще... Я только – только успокоилась! Прекрати говорить на эту тему! Я имею право хотя бы прийти в себя!

И они заговорили о другом, и говорили еще долго, и почти не спали... И утром подруга ушла очень рано, еще раньше, чем Костик встал в школу, и она выползла ее провожать, зевая и потягиваясь, в ночной рубашке, и когда на нее пахнуло холодом в прихожей от входной двери, спать уже расхотелось, она пошла в кухню, чтобы сварить себе кофе покрепче и окончательно успокоиться, и, когда зазвонил телефон, увидела, что ветер ночью медленно перерос в дождь...

Телефон звонил долго и настойчиво, и сначала она перепугалась, что громкий звонок в такую рань может разбудить Костика, а потом удивилась – кто станет звать ее так рано теперь, и зачем? Зачем этот сумасшедший трезвон, если ее жизнь только – только вступила в спокойную фазу и она сама еще не знает, что делать дальше, как жить... И все, что ей нужно – немножко спокойствия, той самой спокойной нормальной жизни, когда никто не станет звонить ночью или чуть свет, чтобы рассказать о том, как у пациента из третьей палаты началось кровотечение, а пациент из пятой рвет не переставая, а в седьмой температура поднялась до сорока двух и начался бред, а в одиннадцатой палате... Телефон продолжал звонить. Она взяла трубку.

– Говорит капитан Жуковская.

– Кто?

– Уголовный розыск. Жуковская. РОУМВД города Южногорска. Я звоню по поводу вашей сестры.

– Моей сестры?

– Светланы Панченко. Вашей сестры.

– С ней что-то произошло?

– Да. Ваша сестра покончила с собой сегодня ночью. Я звоню сейчас из ее квартиры. Вам придется срочно выехать в Южногорск, чтобы закончить все формальности.

– Формальности... – она машинально повторила глупое слово, – я не понимаю! Что произошло?!

– Я же сказала: ваша сестра Светлана Панченко сегодня ночью покончила с собой. Она повесилась в своей собственной квартире на трубе центрального отопления. Ее труп обнаружила соседка по лестничной площадке. Вам придется срочно выехать в Южногорск. Вы сможете?

– Да. Смогу. Я смогу сесть в поезд прямо сегодня...

– Надеюсь, ваша работа не пострадает? Если что, мы можем прислать официальный вызов...

– Нет, не нужно, Я смогу приехать и так.

– Хорошо. Тогда сразу приезжайте ко мне, прямо с вокзала (продиктовала адрес, номер кабинета). Я предупрежу охрану на входе, чтобы вас пропустили в любое время.

– Подождите... Вы уверены, что она убила себя? Что Света сама себя убила?

– Она оставила две бумаги. Предсмертное письмо на ваше имя. И завещание.

– Завещание?

– Она завещала вам свою квартиру. И незначительную сумму денег.

– Мне?

– Вам. Обе этих бумаги она адресовала вам. Очень странно, учитывая, что вы не общались в последнее время. Вам так не кажется?

– Я не знаю. Возможно, она чувствовала свою вину передо мной, поэтому...

– Верно. В письме она просит у вас прощения. Она умерла, надеясь, что вы ее простите.

И завещала вам свою квартиру.

– А дети? Что-нибудь известно про детей?

– К сожалению, у нас нет ничего нового. Из письма следует, что она покончила с собой потому, что не смогла перенести пропажу детей. Сломалась психологически. Очевидно, ваша сестра была слабым человеком. Но она остро чувствовала свою вину (перед вами, перед детьми), поэтому решила наказать себя таким образом. В своем письме она довольно логично объясняет причины, по которым пошла на самоубийство.

– Мне можно будет прочитать это письмо?

– Разумеется. А завещание я вам просто отдам. Вы имеете полное право вступить во владение своим наследством.

– Разве до окончания следствия я...

– А никакого следствия не будет! Мы не заводим по самоубийцам уголовные дела. В смерти вашей сестры нет ничего криминального. Абсолютно никакого криминального следа. Так что следствие закрывается автоматически. Но все равно требуются некоторые формальности – к примеру, вы должны опознать тело, подписать разные бумаги...

– Когда она умерла?

– Вскрытия еще не было, но по предварительному заключению эксперта смерть наступила между часом и тремя часами ночи.

– Она была одна?

– Да. Старушка из соседней квартиры страдает бессонницей и любит подслушивать под дверьми. Она показала, что в квартиру к вашей сестре никто не приходил уже несколько дней, да и она сама никуда не выходила, даже за продуктами. Она безвылазно сидела в квартире.

– Как она была одета?

– В летнее платье красного цвета. Не в халат или ночную рубашку, а именно в платье. Из этого можно сделать вывод, что она сознательно готовилась... Очень аккуратно написала письмо и завещание (ровным, спокойным почерком). Тщательно подписала каждую бумагу, написав ваше имя, телефон и адрес, и указав, что все это предназначено лично вам. Открыла дверь квартиры. Потом взяла длинный пояс от нейлонового платья, прикрепила к трубе отопления над окном и оттолкнулась от подоконника... Ваша сестра была очень худой, поэтому труба даже не прогнулась. Эксперт говорит, что она умерла почти сразу, от асфиксии в результате сдавливания шейных позвонков, как всегда бывает при повешении. Письмо и завещание она разложила на столе так, чтобы они сразу бросались в глаза... В пять утра соседка по лестничной клетке (не старушка с бессонницей, другая – на лестничной площадке три квартиры) вышла с собакой, увидела открытую дверь квартиры вашей сестры. Вошла внутрь и вызвала милицию. Зная, что я занимаюсь делом о пропавших детях, сразу же известили меня. Очень трагическая история. Могу себе представить, как вы потрясены.

– Я никогда не могла представить, что Света способна на такое...

– А так чаще всего и бывает. Человеческая душа – потемки. И близкие родственники – совсем не исключение.

Она положила трубку и усталилась в стену.

– мама, кто это звонил? – за ее спиной стоял Костик. Она обернулась. Он испугался.

– Мама... Что с тобой? Кто это звонил?! Мама?! МАМА?!

– Умерла моя сестра, – просто сказала она.

– Светлана? – в его голосе прозвучал настоящий испуг, – мать Стасиков? Что произошло?

От взрослости этого вопроса она упала на стул, заломив руки, хотела заплакать, но вместо слов из нее полились слова... Она все говорила и говорила, и продолжала говорить, а двенадцатилетний мальчик прямо на ее глазах становился мужчиной, разом перешагнув порог из детства в страшную взрослость... Но это почему-то ее не пугало...

– Я еду в Южногорск, – закончила она.

– Хорошо, – ее сын говорил лаконично, по – взрослому, – без тебя все будет в порядке, не беспокойся, я помогу тебе собраться.

С подругой было сложнее. Договорившись, что та присмотрит за Костиком и рассказав в двух словах все, она выслушала целый фонтан вопросов, охов и вздохов, сочувственных обещаний, предложений дать денег и упреков. Раньше бестолковая суета ее подруги (начинавшей нервничать и суетиться в самый не подходящий момент) вызвала бы у нее бешеный фонтан раздражения, но теперь... Она улыбнулась. Смутные образы суматохи подруги вызвали на ее губах только легкую полуулыбку. Так, словно она уже была далеко.

Костик нес легкий чемодан к поезду. Она шла, тяжело переставая ноги и постоянно оглядываясь назад. Она пыталась думать о чем-то, но мысли скользили и сваливались в какую-то бездонную черную бездну, где постоянно выл ветер, а Света, почему-то такая, как была в детстве, с наивными косичками и вздернутым носиком, Света, лепившая смешных зверюшек из пластилина и украшавшая из буфета вишневое варенье, а потом мужественно признававшаяся в своем поступке (впрочем, за милую улыбку и очаровательную внешность ее бы никто и не наказал), ее Светик (так называла сестру в детстве), лукаво блеснув светлыми глазками, встав на подоконник, закрепляла тонкий пояс от красивого платья на металлической трубе... Она шла тяжело, вслед за мыслями скользя в черную бездну, не видя ни поезда, ни лиц людей, ни купе... Костик одиноко стоял на перроне. Она высунулась из окна, чтобы помахать ему на прощанье.

– Мама, – сказал Костик, – привези назад Стасиков! Пожалуйста, найди их. Я же знаю – ты сможешь! Мама, найди Стасиков и привези их домой, ладно?

Глава 7.

Это был очень маленький городок, и при ближайшем рассмотрении дома показались ей игрушечными, как детские домики из коробки конструктора. Поезд тащился по бесконечной железнодорожной колее в стороне, противоположной от моря. И с одной части железнодорожного полотна были игрушечные домики – кубики (друг на друге), а с другой – желтая степь без начала и без конца. Несмотря на то, что Южногорск находился у моря, он не был курортом. Это был маленький промышленный городок с несколькими заводами, городок, так и не разросшийся до размеров большого города. А неудачный выход к морю (городок был расположен как-то криво, большей частью в сторону степи), выход через горные косогоры и обвалы, отнимал у него последнюю возможность процветания за счет туристов. К тому же, в Южногорске почти не было пляжей (тех роскошных, с золотистым песком или ровной галькой побережий, на которых можно строить роскошные отели и семейные пансионаты). Холодное свинцовое море омывало сломы неприветливых скал, и часть горный кряжей – разломов уходили прямо под воду. Даже местные жители Южногорска ездили для морских купаний за много километров отсюда, в другой городок – местный туристический центр, где были все условия для нормального отдыха. По дороге в поезде она попыталась вспомнить, каким образом занесло в Южногорск ее сестру и с огромным удивлением обнаружила, что не имеет ни малейшего представления. Ее ясноглазая сестра никогда нигде не училась (ни одного дня, за исключением общеобразовательной школы), чтобы (по ее собственным словам) не забивать себе всякой дурью мозги, и кроме красивой внешности обладала отвратительным (легкомысленным и непоседливым) характером. Но то, что портил характер, легко исправляла красивая внешность, потому, что Светлана была настоящей красавицей, а она (давно пора было взглянуть правде в глаза) – нет. Собственная мать всегда шутила, что Бог интересно разделил двух ее дочерей: одной досталась красота, а другой – мозги. Красота досталась не ей. Прекрасные белокурые волосы Светика у нее выродились в тусклые бесцветные пряди мышинового цвета, которые она просто стягивала в хвостик, не обращая на них ни малейшего внимания. Ее глаза были не столь выразительны, она не умела так искусно притворяться, взмахивая длинными ресницами, да и не было у нее никаких длинных ресниц. У Светика была осиная талия, высокая грудь и красивые бедра, ее же фигура была плоской, как доска, и даже после рождения сына не приобрела приятных округлых очертаний. Единственным приятным сюрпризом, которым наградила ее природа, был рост. Рост был высоким – и у нее, и у сестры. Но если при высоком роста ее худая фигура выглядела просто представительно, то Светик смотрелась настоящей изящной красавицей. Они совсем не были похожи друг на друга и между ними не было ничего общего. Казалось, это два абсолютно разных человека.

Одна проводила время на дискотеках с огромным количеством разнообразных поклонников, а другая каждую свободную минуту проводила в своей комнате, уткнувшись в бесчисленное количество разнообразных учебников. Так они и выросли, по – разному... Не понимая друг друга и не испытывая друг к другу никаких родственных чувств.

Игрушечные домики вырастали друг за другом в мутном поездном окне. Ее сестра всегда была перекасти – полем. По каким только городам не бросало ее! То ее понесло в Москву, поступать в театральный институт. Потом – замело в Питер. Из Питера она зачем-то отправилась на Камчатку, а оттуда сделала бросок прямо в Рим, швырнуло в Италию в обществе пожилого итальянца, который был старше ее почти на сорок лет... После Рима она оказалась в Польше, пытаясь торговать какими-то шмотками, а когда все ее бизнес – планы рухнули, попросила защиты у мамы, вернулась в родительское гнездышко, совершила там настоящий переполох, свела в могилу мать и вновь понеслась по бесконечным, неизведанным городам. И наконец – Южногорск. Последняя точка. Подоконник. И тонкий поясок от платья, так без-

надежно и страшно закончивший ее жизнь. Сестра была импульсивной натурой. Она действовала под влиянием момента, постоянно подчиняясь бурному наплыву эмоций, и так всю жизнь. Вихри захлестывали ее с головой, все ее поступки напоминали шторм, который разрушает абсолютно все, что попадет в его поле зрения. Она вдруг вспомнила прошлое, перенеслась лет на 20 назад... Когда она грызла учебники на первом курсе медицинского института, зная на своем пути только институтские корпуса, библиотеку и дом, ее сестра беспечно моталась по Москве, путалась с какими-то второстепенными режиссерами и мечтала о славе голливудской (не больше и не меньше!) звезды. То, что она не знала ни слова по – английски, ее не смущало. Это были просто досадные мелочи! В глубине души она всегда считала свою сестру сумасшедшей и относилась к ней с легким презрением. Но кроме нее, это презрение никто больше не разделял. Наверное, потому, что Света была красивой. Она была удивительно красивой, а красота совсем иначе влияет на человеческие сердца, чем расчетливый, холодный и пусть даже верный разум. Разум... Она тяжело вздохнула, попадая в такт колесам поезда.

Что осталось от ее разума теперь? Что? Поезд пел свою привычную унылую песню. Ей хотелось плакать, но в то же время она не могла. В детстве она любила свою сестру. Она называла ее Светик. И восхищалась ее смелостью, веселостью, хитростью, умением добиться своего. Света была старше на два года. Но ей казалось, что она намного ее старше (лет на 10), и потому бесконечно ходила за сестрой по пятам. До тех пор, пока она не выросла и не поняла, что рядом с прекрасной Светой всегда будет невзрачной тенью. И не решила добиться такого же восхищения (как и то, которым одаривали ее сестру) не внешностью, а умом. Вернее, разумом. И характером. И... Света пролетала сквозь ее жизнь ослепительной жар – птицей, вместо пепла оставляя на своем пути потоки дождя, похожие на ту соленую и горькую жидкость, которая обычно течет по щекам. Теперь она ехала к своей сестре, ехала впервые за десять лет, с таким же сердцем, как было у нее в детстве. И если б можно было хоть на мгновение остановить часы времени и никуда из этого детства не уходить...

Южногорск встретил ее прохладным весенним днем без солнечного света, но и без дождя. Дул ветер – пронизывающий, холодный, с солью моря в своих потоках... Своеобразный ветер, в котором больше горечи, чем кислорода. Остановившись на грязном перроне, впервые за прошедшие сутки она с удивлением споткнулась на мысли, что не знает адреса сестры. Она забыла спросить ее адрес и теперь не имела ни малейшего понятия, куда ей идти. Впрочем, нет. Она знала. Идти нужно прямо в милицию. Именно там есть много ответов на те вопросы, которые она (возможно) когда-то задаст. Вокзал был маленький и грязный, как в большинстве провинциальных городов. В памяти всплыли слова Светланы о работе в элитном парфюмерном магазине. Плюгавый вокзальчик никак не сочетался с элитной парфюмерией. Вообще никак. Справа от главного входа в вокзал, между огромных щитов разнообразной рекламы она увидела плоский стенд с броской надписью «дети, которых разыскивают». На стенде под стеклом было пять фотографий – три мальчика, две девочки (почти взрослые девушки). Возраст детей – от 12 до 17 лет. С огромным удивлением она отметила, что на стенде нет фотографий Стасиков, а ведь именно их следовало искать в первую очередь! Почему же их нет? Под фотографией одной из девиц (17 лет) черным фломастером была сделана матная надпись о том, что ее следует искать в ближайшем ночном кабаке... Она отошла от фотографий детей, остановила такси и поехала в милицию.

Это было пятиэтажное серое здание очень внушительного вида, в котором располагались и прокуратура, и райотделы милиции, и ГАИ, и вообще все силовые структуры маленького городка. Она подошла к дежурному на входе, назвала фамилию следователя, объяснила цель своего визита и протянула паспорт. Дежурный внимательно изучил ее паспорт и сообщил, что Жуковская не оставляла абсолютно никакой информации на входе о ее приходе.

– Но ее на работе пока нет, – вежливо уточнил дежурный, – Жуковская никогда так рано не приходит!

Часы в большом вестибюле показывали без пяти десять утра.

– если вы хотите, я могу пропустить вас в вестибюль, вы подождете ее. Предупреждаю, ждать придется долго.

– Когда же она приходит на работу?

Дежурный посмотрел на нее как-то странно (и почему он смотрел так странно, она все никак не могла понять).

– Ну... когда в двенадцать... когда к часу... а может вообще не прийти. Я не знаю. Она по – разному приходит.

– Простите, – она удивленно моргнула, – речь идет о капитане Жуковской? О работнике милиции?

– Так я о ней и говорю!

Моргнув еще раз, она сказала, что подождет на улице, а потом зайдет еще. Вышла на улицу и с наслаждением подставила свое лицо потокам холодного соленого ветра. Короткий разговор утомил ее больше, чем она ожидала. Здание милицейских контор располагалось, по видимому, на одной из центральных улиц. Это был длинный проспект, по которому ездили троллейбусы, микроавтобусы и много машин. Она даже не ожидала троллейбусов в таком маленьком городке! Люди были одеты намного проще, чем в ее родном городе. Достав мобильник, она позвонила сыну. За него ответила подруга, сообщив, что Костик в школе и у них все в порядке, и что до ее возвращения Костик поживет у нее. Сказав в двух словах, что еще не встретила Жуковской, закончила разговор. Некоторое время ее мозг занимала следующая мысль: где она будет ночевать, если Жуковская не явится на работу, но быстро отбросила эту мысль прочь. Подумаешь! Найдет какую-то приличную гостиницу и снимет номер. Вряд ли в этом городе астрономические цены, а деньги у нее пока есть. Еще некоторое время ее мысли текли в спокойном, но беспорядочном направлении, до тех пор, пока...

К зданию медленно и плавно подъезжал огромный серебристый автомобиль. Это была красавица «мазда» самой последней модели, и стоила эта прелесть больше, чем все машины, которые за час проехали по проспекту, вместе взятые. Роскошная иномарка так не вязалась с убожеством провинциального городка, что она застыла на месте, раскрыв от удивления рот. Машина плавно пересекла тротуар и остановилась прямо возле главного входа в здание. Дверца открылась, и второй раз за этот день у нее перехватило дух. Из машины выходила молодая женщина (лет 25–27, максимум 28) в длиннющей норковой шубе, из самого что ни на есть натурального меха. Шуба была такой длинной, что волочилась по земле. Зная цену на меховые изделия, она присвистнула... Это изделие тянуло не на одну тысячу долларов! Судя по небрежности, с которой женщина не обращала внимание на край шубы, вытиравший уличную пыль, эти тысячи долларов не имели для нее никакого значения. Черные волосы девушки были уложены в короткую прическу по самой последней моде. В ушах сверкали маленькие бриллианты. Косметика была наложена идеально. Тонкие шпильки сапожек аккуратно ступили на тротуар. Девушка была очень красивой – той холодной ухоженной красотой, которая отличает моделей, дорогих проституток или молодых жен старых богачей. Вся ее фигура так не подходила к серому зданию милиции, что на этот диссонанс засматривались даже прохожие. Ухоженным длинным коготком девушка захлопнула дверцу машины, включила сигнализацию и вошла внутрь. Шуба волочилась за ней длинным хвостом. Прошло минуты три. Внезапно девушка вновь показалась в дверях, прошла по ступенькам и направилась прямо к ней, не меняя холодного, надменного выражения лица.

– Виктория Алексеевна? – девушка улыбнулась пренебрежительной улыбкой, – давно ждете? Я Жуковская. Давайте поднимемся ко мне в кабинет.

И, не оглядываясь, пошла к дверям. Подхватив свою легкую дорожную сумку, не приходя в себя от удивления, она осторожно направилась за ней по ступенькам.

Глава 8.

«Вика, прости меня. Я больше ничего не могу сделать. Это единственное, что остается: мысленно проститься с тобой и уйти навсегда. Твое лицо осталось в моей памяти таким, как было в нашем детстве. Две смешные девчонки с косичками, которые держатся за руки и счастливо улыбаются в объектив... Ты, наверное, не поверишь в это, но я любила тебя, Вика. Я любила тебя, смешную маленькую сестренку, мою крошку, ту самую, которой ты была в нашем детстве. И которая изредка возвращалась ко мне в моих снах. Я всегда просыпалась после таких снов с головной болью, разбитая, ощущая на губах только горький аромат слез и еще более едкий вкус разбитых надежд. Я никогда не хотела причинить тебе боль, но если причинила – прости меня за это. Поверь, все мои глупые поступки были не со зла. Я любила тебя слишком сильно... Наверное, я всегда ревновала к тому, что отнимало тебя. Глупость, правда? Человек не может оставаться в своем детстве. И я, как долгая вереница неудачников, не прошла это испытание – испытание своей взрослостью. Я была неудачницей. Меня бесило, что ты это знаешь. Моя любимая сестренка, я пишу это письмо, чтобы попрощаться с тобой и объяснить, почему я должна уйти. Я должна уйти потому, что другого выхода для меня не существует. Мои дети исчезли. Наверное, они мертвы, и я уже не могу переносить эту боль, не могу сидеть в пустой квартире с мыслью, что мне уже нечего делать. Моя смерть будет облегчением для всех. Я устала жить с непрекращающейся болью в сердце. Эта боль убивает, подталкивает меня к краю. И все, что мне остается, только пойти за ней. Помоги мне, сестренка, подари свое прощение и молись обо мне так, как ты молилась, когда думала, что у тебя есть сестра. Молись ради нашего детства: единственного светлого отрывка жизни, который остался в моей памяти. Где две смешные девчонки держались за руки и доверчиво смотрели в жизнь. Из двух этих девочек выросли известный хирург и уличная проститутка. Хирург и улица – как страшно, правда? Конечно, тебе стыдно было иметь такую сестру. Прости меня и за это тоже. Помнишь нашу дачу, где мы жили каждое лето? Помнишь, как мы любили сидеть на веранде в домике и пить чай со своим самым любимым лакомством – малиновым вареньем? Малиновое варенье... Ты не поверишь, что я вижу его цвет, чувствую его запах до сих пор. Это было самое лучшее время – там, на даче в Алтеево. Мне жаль, что оно ушло безвозвратно, и я никогда не могла его вернуть... Ну, вот и все. Времени остается так мало, ведь я твердо решила сделать все, что я сделаю. Если вдруг мои дети найдутся (если твои молитвы помогут, а я знаю, ты будешь молиться, ведь я так прошу тебя об этом!), прими их – ты будешь им лучшей матерью, чем я. Из меня вышла плохая сестра, плохая женщина, ужасная мать. Ты сама прекрасно понимаешь, что я никому не принесу пользы, если останусь на этом свете. Веревоочная петля единственное, чего я достойна. Прими мой выбор. Я иду к нашим маме и папе, и буду хранить тебя с неба. Прости за все. Читай это письмо, как последнее утешение (когда станет обо мне горько), и делай то, что я тебя попросила – молись. Рядом с этим письмом будет лежать мое завещание. Я завещаю тебе квартиру, которую недавно купила. Это завещание я написала в здравом уме и твердой памяти (кажется, так принято писать?). Мне пора. Я ухожу. Помни меня и прости. Целую в последний раз. Твоя Светик.

P.S. Что бы обо мне не говорили, помни, что я поступила правильно! Другого выхода у меня нет».

– Я представляю, как вам тяжело.

Голос раздался, когда молчание стало невыносимым. Но этот голос не заставил ее оторвать руки от лица. Она сидела так очень долго, уронив склоненную голову в руки, а в памяти огненными письменами горели строки этого страшного письма. Каждая строка, как Апокалипсис. Колоссальным усилием воли ей удалось спрятать слезы. Плакать не время. По крайней мере, не здесь, не сейчас.

– Я представляю, как вам тяжело! – голос очень приятный, мелодичный. И в нем действительно звучит сочувствие. Но только почему от него на сердце скребут кошки? Почему режет мозг, как звук ржавой пилы?

Она опустила руки вниз, подняла голову и посмотрела на роскошные цветы, которые стояли на подоконнике небольшого уютного кабинета. Два керамических вазона: китайская роза (роскошная, цветущая) и какой-то густой куст, разросшийся в ширину, с мелкими желтыми цветочками между листьев. Как странно... Женщина, сидевшая в кабинете перед ней, не производила впечатление любительницы комнатных растений. Несмотря на изумительно красивое молодое лицо (еще более красивое при ближайшем рассмотрении), на модную прическу, искусно выполненный макияж и дорогой костюм, было в ней что-то отстраненное, холодное. Такую женщину легче представить в дорогом ресторане, ночном клубе, в компании представительного, богатого мужчины средних лет... Мужчина, разумеется, чужой муж. Это было очень просто представить. У нее были и вид, и повадки хищницы. В конце концов, ее проще было вообразить в казино, за рулем роскошного автомобиля, на модном курорте в шезлонге, чем мирно поливающей домашний цветок. Но тем не менее эти два вазона с цветами были именно здесь, в ее кабинете. Она подумала, что жизнь вообще полна парадоксов. И самый большой парадокс в том, что эта модная красавица – следователь. При чем не просто следователь, а капитан уголовного розыска (такое вообще не вообразить!). Поймав на себе вопросительный взгляд, поспешила кивнуть. Лицо женщины оттаяло (она ждала именно такой реакции на свое сочувствие).

– Представляю, что вы сейчас чувствуете! Потерять сестру... Да еще умершую такой страшной смертью... У меня тоже есть сестра. Мы иногда ссоримся, но все-таки друг друга любим. Могу представить, что вы испытываете! – снова вопросительный взгляд.

– В последние годы мы с сестрой были не особенно близки, – попыталась объяснить отсутствие потока слез, но вышло как-то неумело.

– Я это заметила! – мгновенно отозвалась эта следователь, – в своем письме она перепутала даже вашу профессию. Написала, что вы хирург, хотя на самом деле вы педиатр.

– Да. Но Света не понимала, что такое педиатр. Она всегда считала, что знает все обо всех и потому никогда не слушала подробностей. И, как правило, оказывалось, что все ее знания не соответствовали действительности никогда и ничего не стоили.

– Да, есть такие люди.

– Наверное, хирург ей показалось солиднее, и, не вникая в подробности, так она и написала. Она почему-то считала, что ее дети мертвы.

– У нее были все основания так думать. Прошло много времени. Дети не найдены до сих пор. Шансы, что их обнаружат живыми, почти равны нулю. Но, говоря между нами, многие опытные сотрудники вообще сомневаются, что это дело будет раскрыто. Это гиблое дело. Такие у нас называют «глухарь».

– И до сих пор никаких следов?

– Никаких. Дети наверняка мертвы. Скорей всего, эту страшную правду подсказывало ее материнское сердце.

– Это ужасно.

– Да, это ужасно. Но на моей работе видишь столько ужасного, что поневоле привыкаешь воспринимать так остро.

– Наверное, я бы никогда не смогла привыкнуть.

Женщина улыбнулась. Улыбка сделала ее лицо более человечным.

– Я могу забрать это письмо себе?

– Конечно, можете, – сказала следователь, – в деле все равно есть копия. Да и дело уже закрыто. Я понимаю, вы хотите иметь память.

– Да. И к тому же, она так написала в конце, что... Что когда я начну себя обвинять в ее смерти (в так почти всегда и бывает), я перечту это письмо.

– понятно. Что ж, оно ваше.

– Спасибо, – она спрятала листок с письмом в чистый конверт и положила в свою сумку.

– кстати, где вы остановились в Южногорске?

– Нигде. Я прямо с вокзала приехала сюда. Понятия не имею, где мне остановиться.

– Что ж, я думаю, я могу вас обрадовать. Я уже могу отдать вам ключи от квартиры вашей сестры. Вы можете поехать в квартиру и жить там, сколько посчитаете нужным. Конечно, если вам не будет очень неприятно...

– Нет, что вы. Наоборот, мне хотелось бы жить в этой квартире! Вернее, пожить там хотя бы несколько дней. Все-таки это квартира Светы....

– Сейчас она принадлежит вам. Но вступить в наследство вы сможете примерно через месяц. Вернее, начать вступление в наследство (это достаточно долгая и нудная процедура). Мы сможем подготовить все необходимые документы не раньше, чем через месяц, такова процедура, хотя я и так уже ускорила.

– Я не спешу.

– Хорошо. Вы знаете адрес?

– Нет.

– Неужели она вам не сообщила?

– Нет. Мы почти не общались. Исключением стал тот месяц, когда Стасики жили у меня.

– Стасики?

– Так мы с сыном называем ее детей.

– Интересное название... Что ж, в наследство вам досталась не очень дорогая квартира. Это стандартная однокомнатная квартира в панельной девятиэтажке. Черемушки, это новый жилой микрорайон Южногорска, застроенный совсем недавно исключительно новыми домами, высотками. Он находится довольно далеко от центра города, в Приморском районе. У нас считают Черемушки не городом, а поселком. Там совсем недалеко море, но пляжей нет. Но зато есть горы, каньоны, разломы скал, пещеры, выдолбленные морскими волнами. В таком месте дети легко могут заблудиться и погибнуть среди камней. Квартира расположена на третьем этаже девятиэтажного дома. От соседей я знаю, что ваша сестра постоянно выпускала детей играть во дворе. Двор – бывший пустырь, двором его делают стоящие вокруг высотные дома. Она наблюдала или звала их домой с балкона. Извините за неприятные подробности, но, когда ваша сестра принимала мужчин, она тоже выгоняла детей во двор. Как нам удалось установить, ваша сестра нигде не работала. Жила на то, что давали ей любовники.

– Значит, про парфюмерный магазин – это была ложь?

– Ложь. Она никогда не работала в магазине.

– А мужчины? Вы их нашли?

– Да. Это все солидные женатые люди. Их трое. Одному 56, другому 61, третьему – 47 лет. Первый банкир, очень состоятельный человек. Именно он дал большую часть денег для покупки квартиры. Все трое женаты, у них по 2–3 детей. Каждый знал о существовании еще двоих, но это никого не волновало. Каждый из них давал по 200–300 долларов в месяц, так что ваша сестра очень хорошо зарабатывала. Она даже покупала детям одежду и обувь в самом дорогом магазине города.

– А второй мужчина?

– Второй (61 год), бывший моряк, теперь – судовладелец. Хозяин судоходной компании, которая владеет тремя кораблями. Это небольшие корабли, она выполняют челночные рейсы в Турцию, и находятся не в Южногорске, а в другом городе, где есть большой порт. Третий мужчина – владелец строительной компании. Эта компания занимается постройкой домов. Как

вы видите, ваша сестра одновременно имела трех богатых любовников, и жила на то, что они ей давали. А раньше она занималась самой настоящей проституцией.

– Дети знали о существовании этих троих?

– Наверняка. Возможно, даже не раз их видели. Ваша сестра не заботилась о моральном облике своих детей.

– А кроме этих троих, у нее не было других мужчин? К примеру, любовника, не только для кошелка, но и для души? Человека, которого она любила?

– нет. Других не было. Это уже установлено.

– Вы сказали, что двор окружают высотные дома... неужели соседи ничего не видели? Ни в одном окне никого не было?

– Соседи давно перестали обращать внимание на детей, которые играют во дворе. К тому же, их там целая толпа! Очень много детей, кто – чей, и не разберешь! А ближайшие соседи вашу сестру не любили. Они догадывались, чем она занимается, и даже видели, как к ней приезжали любовники.

– Вам, наверное, все это кажется очень странным. Две сестры – и так не похожи друг на друга! Одна – врач, другая – проститутка.

– В жизни случаются и большие не совпадения. Но, между прочим, ваша сестра имела хорошую коммерческую жилку! Как лихо она нашла этих троих!

– Кстати, а как она их нашла?

– Судовладельца и строителя – у себя в ресторане, а банкира – на какой-то шикарной презентации, куда она доставала приглашительные время от времени.

– В ресторане?

– Да. Презентации проходили в этом одном ресторане. Когда она официально занималась проституцией, она работала в одном ресторане, в гостинице. У нее был свой сутенер, и с клиентами она чаще всего поднималась в гостиницу, наверх. А в ресторане ловила этих самых клиентов. Там она проработала несколько лет. Там же, в ресторане, ее и задерживали.

– Значит, она никогда не стояла на улице?

– Ну, это она сама себя так унизила! Наверное, хотела себя уничтожить, оскорбить, свести к нулю. Я думаю, что это было именно так. Самоубийцы часто так унижают себя перед смертью. А вообще уличные проститутки – самая низкая категория, низшая каста. Ресторанные – на много порядков выше. Но, очевидно, ваша сестра считала – проститутка есть проститутка, и не важно, где, все равно ничтожество. Тем более, у нее перед глазами все время стояли вы, постоянный пример. Так что ее можно понять.

– Да. Наверное... Что ж, я поеду в квартиру, если вы не возражаете.

Женщина вышла, и вскоре вернулась с ключом и листком бумаги.

– Я записала подробно, как вам лучше ехать, как найти дом. Вы не собираетесь пока уезжать, да? Что ж, тогда увидимся.

Уже в дверях следователь вдруг окликнула ее:

– А ваша дача сохранилась?

– простите... что?

– Ваша сестра так трогательно писала о даче в детстве, что у меня даже защемило сердце. Дача сохранилась?

Она на мгновение запнулась. Потом покачала головой:

– Нет. Да это была и не дача, так, маленький домик с садом и малинником в поселке недалеко от города. Я продала ее после смерти родителей, и отдала сестре ее часть денег.

– Вам, наверное, жаль.

– Иногда бывает. Но в общем, скорее, нет.

Следователь кивнула. Она поспешила закрыть за собой дверь.

Глава 9.

Дача... Дача... голова шла кругом. И, чтобы прийти в себя, почти насильно уставилась в окно автобуса. Мимо плыли унылые одинаковые дома. Серые высотки, каких полно в любом городе. Автобус давно выехал за пределы центральной городской части. В душном салоне старенького автобуса было совсем не много людей. Очевидно, пассажиры ездили в Черемушки только в час пик – утром и вечером, в конце рабочего дня. Внутри автобуса немилосердно воняло бензином, а сидения были порваны или потертые. Автобус давно миновал центральную часть Южногорска (ухоженную и приветливую на вид), оставил позади и крошечные частные домики с обширными садами (похожие на кубики из игрушечной коробки), и теперь трясся по широкому гудроновому шоссе по мрачной местности, где почти не было деревьев, зато вблизи и вдалеке виднелись серые бесформенные коробки высоток. Это был неухоженный, мрачный, рабочий район, их тех, которые не принято показывать туристам. Здесь не было ничего, кроме панельных домов и чахлах кустиков тощей зелени, задыхающейся вблизи шоссе с довольно оживленным движением. Внезапно вдалеке, за очередными коробками серого цвета она вдруг разглядела что-то темное, вернее, черно – коричневое с зелеными вкраплениями, что-то очень высокое, подавляющее все вокруг и уходящее высоко в небо. Сначала она ничего не поняла, но потом, когда острые пики этой темноты становились все выше и выше, она поняла, что видит перед собой главную принадлежность или достопримечательность этого мрачного района (по крайней мере, по мнению следователя) – скалы. Тяжелые, темные скалы над морем. Нависающие над небом, над душами людей, над землей. Скалы, в которых так легко затеряться. Их появление означало, что поселок въехал в поселок Черемушки. Она вспомнила инструкцию, полученную в милиции: дом ее сестры находился не в начале жилого микрорайона, а в конце. Как странно... Внезапно с отчетливой ясностью в голове зазвучала одна мысль: почему следователь, кабинет которой находится в управлении городской милиции на ухоженном центральном проспекте в самом престижном и шикарном районе Южногорска, занялась делом о детях, которые пропали в таком далеком и бедном районе, где-то на отшибе, за городом? И почему капитан уголовного розыска принимает посетителей не в районном отделении милиции здесь, в Черемушках (наверняка здесь есть местное отделение милиции), а в городском управлении? Почему? Почему именно она ведет дело о пропавших детях? Вернее, не ведет, а сидит в уютном кабинете с шикарными цветами, и рассуждает, что дети мертвы? Вопросы, вопросы, на которые пока она не знает ответов... Но такие странные вопросы – она не может не возникать...

– Дама! Дама! – кто-то тряс ее за плечо и, очнувшись, она увидела рядом с собой пожилую кондукторшу, – это вы спрашивали Черемушки? Профсоюзную улицу? Вам сейчас выходить!

Автобус, громыхая выхлопами угарного газа, исчез вдали. Она с наслаждением потянулась (устала сидеть, дорога заняла час с четвертью), вдохнула воздух (в котором было больше бензина и пыли, чем моря) и принялась осматривать местность. Но смотреть здесь было не на что. Серые, песочные коробки высоток подступали вплотную к дороге. Здесь не было даже чахлах кустиков зелени, вообще ничего. Странное место для покупки жилья женщиной, имевшей трех богачей – любовников! С такими любовниками Света могла приобрести квартиру в самом центре! Почему же она купила ее здесь? Да еще и одну комнату, а не две? Ведь это ужасно – ютиться в одной комнате с двумя маленькими детьми! Неужели ее финансовые дела обстояли не так хорошо, как это казалось внешне? Между высотками вилась дорога, не вымощенная асфальтом. Простая земляная дорога, как в селе. Содрогнувшись, она представила себе, какая грязь бывает здесь, на этой дороге, во время дождя или когда тает снег. Это ж как тяжело пройти к остановке автобуса, если размокшая земля превращается в сплошную жидкую грязь! Интересно, как ходила здесь Света, с 12 лет любившая туфли на шпильках, и никогда не обходившаяся без каблучков?

Вздыхнув, она пошла по дороге между домов. Дома были сплошными, без признаков торгового центра, магазина или булочной. С тоской она подумала о том, что не удосужилась купить продукты в городе. Но, немного поразмыслив, пришла к выводу, что такой большой район просто не может обойтись без магазина. Значит, остается его только найти. Кое-где попадались редкие детские площадки: с покосившимися скамейками – грибами, поломанными качелями, деревянными горками, с которых слезла краска и покосившимися песочницами без песка. В этих редких и убогих островках детства возилось много детей разного возраста: от малышек до подростков. Часто попадались женщины с колясками. Становилось жарко: солнце припекало вовсю. Апрель в Южногорске был совсем не таким, как в ее родном городе. Это был апрель со светом и теплом, без холода и дождей. Наконец дорога повернула направо, и, пройдя еще некоторое расстояние, она оказалась среди огромного прямоугольника из серых девятиэтажных коробок, в центре которых была детская площадка, более обширная, чем все, виденные прежде. Восемь девятиэтажных домов прямоугольником стояли на пустыре. Между ними не было никакой дороги – только земля, песок и пожухлые остатки прошлогодней травы. Детская площадка (с двумя скамейками – грибами, двумя деревянными горками, поломанными качелями и песочницей) была огорожена окрашенным деревянным заборчиком, поломанным сразу в трех местах. В этот час в ней возились человек пять малышек (от 3 до 5), а в некотором отдалении, на деревянной скамейке, три мамы качали коляски с младенцами. Остановившись возле площадки, она стала смотреть на окна жилых домов, особенно на первые этажи. Кое-где окна были открыты. На одном балконе второго этажа женщина в возрасте развешивала белье. На балконе третьего курил молодой мужчина. Еще из каких-то окон громко орало радио, а в доме за ней – телевизор, по которому шла реклама. Жизнь текла своим чередом. Она посмотрела на часы: 13.40. Почти два. Стасики пропали днем, немного раньше двух, но все-таки – белым днем. Она громко произнесла про себя: "Не верю! Не верю, что никто ничего не видел! Восемь девятиэтажных домов!". И тут обнаружила, что ее фигура внушает подозрения. Уставившись прямо на нее, из окна первого этажа высунулась старуха лет 80-ти.

– Эй, женщина! Вы что-то ищите? – крикнула ей.

Она обернулась. В глазах старухи светилось не прикрытое любопытство, которое ее жутко обрадовало. А по «профессиональному» жесту, которым та вывалилась из окна, и по теплому байковому халату, плотно застегнутому на груди, она поняла, что старуха проводит возле окна все свое время. Внутренне поздравив себя с удачной находкой, она улыбнулась старухе:

– Да, ишу. Это ведь Профсоюзная улица, правда?

– Профсоюзная! – с готовностью подтвердила старуха.

– Здесь так сложно... На домах совсем нет номеров... Я ишу дом 43/1.

– Так это наш дом! – сказала та.

– Правда? Как хорошо! А то я совсем уже растерялась...

– Да, здесь можно заблудиться! Ничего не поймешь, если придешь сюда впервые! Вы ведь приезжая?

– Да. Сегодня приехала.

– А к кому? Может, я их знаю?

– Может быть. Вообще-то я ишу квартиру 32.

– Ой... – испуганно сказала старуха, – ой...

– Вы знаете эту квартиру?

– Так надо мной она почти, на третьем этаже только. Прямо надо мной! Видите, на третьем балкон не застекленный? А вы что, купили эту квартиру?

– Не совсем. Вы знали женщину, которая в ней жила?

– Ох, горе... Конечно, знала!

– Я ее сестра.

– Сестра? Но мне казалось, что... Как это – сестра?

– Родная. Я жила в другом городе. Я знаю, что Света переехала в этот дом только месяц назад...

– Наши дома всего полгода, как заселили! Новострой. Вы совсем на нее не похожи!

– Да, действительно. Мы со Светой были разные.

– Как вас зовут?

– Виктория. Можно просто Вика.

– Знаете, что, Вика? Зайдите – ка ко мне!

Приглашение ей не пришлось повторять дважды. Через несколько минут она стояла в прихожей чистенькой квартирке перед старухой, вдыхая запах тушеного мяса, пробивавшийся из-за двери кухни.

– Я не буду вас задерживать! – сказала старуха, – меня зовут Алла Павловна, и я очень любила детей вашей сестры. Славные такие малыши. Я всегда покупала им что-то вкусненькое – булочки, карамельки.... Это такой ужас, такой ужас... Сама его пережила... Конечно, малыши заслуживали лучшую мать. Вы уж меня простите... Но никто не думал, что она такое сделает с собой! Вы будете жить в ее квартире?

– Временно. Пока что-то не выяснится о детях.

– Я вас вот зачем позвала... Скажите, вы были в милиции?

– Была.

– А машину уже нашли?

– Какую машину?

– Как это какую? В которую сели малыши! Я же рассказывала следователю!

– Что?

– В тот день я смотрела из окна, как всегда. Понимаете, у меня плохо с сердцем, я редко выхожу на улицу. За покупками ходит мой муж, да и дети еду приносят. Так вот: в тот день я видела, как малыши на площадке играли. Они каждый день играли, если в школу не ходили. А после школы они играли во дворе во второй половине дня. Да сейчас для шестилеток это больше садик, чем школа. Помню, моя племянница рассказывала...

– так что насчет машины?

– Да. Они играли с другими детьми, как всегда. И вдруг со стороны дороги подъехал автомобиль. Вернее, микроавтобус. Напоминает обычную маршрутку, но только немного не такой. Серого, стального цвета. С темными окнами. Один раз коротко просигналил. Увидев машину, дети вышли из песочницы, в которой они играли, взялись за руки и пошли прямо к машине. Дверь перед ними открылась, они сели внутрь и уехали. И все.

– А кто был за рулем?

– Стекла были совсем темные. Не разглядеть.

– А кто дверцу открыл?

– Она сама открылась. Никакой руки не было видно. Просто отъехала в сторону – и все. А номера, к сожалению, я тоже не разглядела. Машина стояла боком, можно было разглядеть только бок.

– И дети сами пошли к машине? Сами сели внутрь?

– Ага. Я еще подумала, что наверняка они не раз в ней ездили и хорошо знают, если так пошли без опаски.

– Вы когда-то видели эту машину здесь раньше?

– нет, никогда. Я бы запомнила! Такие не часто здесь проезжают. У нас ведь бедный район. Крутые в таких местах не живут. Я еще удивилась: такая дорогая машина – и за этими бедными, больными малышами! Может, это был их отец?

– А вы знали их отца?

– нет, конечно! Света сама мне не раз говорила, что отца у них не было и что ее двойняшками бог наказал!

– Вы рассказывали об этом в милиции? О машине?
– Конечно! Когда сюда следователь приехал.
– Молодая женщина?
– Женщина? Нет, конечно! Какая еще женщина? Мужик лет 40, огромный, рост 190, не меньше. С кулаками. Грубый такой. Хамил все время, что у меня склероз и я не могла все разглядеть! А у меня нет склероза, я хоть и старая, но прекрасно все видела! И машину, и как дети в ней уехали.

– А Свете вы рассказывали?
– говорила! Все рассказала. А она так безлично кивнула, ни слова ни ответила, и сразу ушла. Мне еще показалось, что она знает, что это за машина.

– почему вы так думаете?
– ну, когда дети пропали, когда она их звала с балкона, она сильно кричала, плакала... А потом вдруг успокоилась, причем полностью. И когда я сказала ей про машину, она уже была совершенно спокойна, словно знала, с кем дети. И плакать перестала. Я еще подумала, что она не сильно переживает за ними. Мне и в голову не могло прийти, что она себя убьет! Ох, извините...

– Ничего. А вы видели, кто к ней обычно приезжал?
– Всех видела. Мужчины какие-то в возрасте. Трех видела. Все на богатых машинах. Приедут на часик, днем, потом быстро уезжают. А больше, вроде, никого. Точно никого не было!

– А женщины?
– Разве что районная врач, когда дети болели. И все.
– они болели?
– Один раз. Грипп, вроде. В школе заразились. Но Света не долго их дома держала, всего пять дней. А потом они опять во дворе играли.

– Что ж, спасибо за рассказ. Я выясню про машину.
– Обязательно узнайте! Может, дети и не пропали никуда. Просто объявился отец и их забрал. И вообще – я всегда дома, мне скучно. Приходите ко мне рассказать новости, да и просто поболтать! Так приятно поговорить с новым человеком! Если у вас будут какие-то вопросы, так что заходите, не стесняйтесь.

– А вы были в квартире Светы?
– Один раз. Она меня пригласила. Я к ней хорошо относилась, лучше, чем все остальные соседи. Мне было ее жаль – тяжело одной с двумя детьми. Не повезло ей в жизни. Не повезло... Мило простившись с разговорчивой соседкой, она направилась к лифту.

Глава 10.

Перед лифтом внезапно зазвонил телефон.

– Это Жуковская, следователь. Я забыла вас сказать... Я должна повезти вас в морг, на опознание. И потом, вы должны взять на себя похороны. Сегодня в четыре сможете? Тогда ровно в четыре жду вас у себя!

Она в отчаянии опустила телефонную трубку. В четыре... Это означает, что в квартире Светы она сможет пробыть минут десять. А потом – снова трястись в не удобном, старом автобусе, где все сидения порваны и воняет бензином. Ужасно! Почему эта наглая девица так с ней поступила? Будучи от природы проницательным человеком (хороший врач – настоящий исследователь), она ни на секунду не поверила в то, что Жуковская забыла сказать ей про опознание тела Светы. Там, в кабинете, она говорила так, словно все формальности уже закончены, слова не дала вставить о похоронах, и вот теперь... Чувствует себя вправе распоряжаться чужими людьми! А ведь действительно: только по одному звонку этой куклы ей придется тащиться черти куда... Она тяжело вздохнула. Лифт остановился. Автоматические двери выпустили ее в грязноватый темный коридор.

Бронированная дверь светло – серого цвета легко поддавалась под ее рукой. Она шагнула в темноту, где ярко выделялись только два беловатых пятна на противоположной стене. Зашторенные окна. Ей в лицо ударил запах нежилого помещения и тонкий аромат каких-то пряных восточных духов. Такие духи вполне могла любить Света. В комнате было тихо и темно. Сюда не доносились голоса с улицы. И на мгновение ей показалось, что она попала в безвоздушное пространство, на какую-то другую планету, где неуловимые субстанции прозрачных призраков кружатся в воздухе, пытаясь попасть ей в мозг. Страх был тонкой паутиной, обхватившей ее ноги, поднявшейся к бедрам и легкими прикосновениями сдавивший грудь. На какое-то неуловимое мгновение ей показалось, что там, в глубине темноты, стоит человеческая фигура, с головы до ног закутанная в белесое покрывало... Видение прошло так же быстро. Как и возникло. Окно. Всего лишь окно. Она вздрогнула. Внутренний голос горько произнес, что здесь ей сейчас нечего бояться. Ведь это квартира, где жила ее сестра. Ее Светик с золотистыми голосами и звонким голосом, светлая и прекрасная, как была при жизни. И любимая. Бесконечно любимая. Сколько боли пришлось пережить, чтобы это понять. Теперь это был не страх – горький ком давил ей на грудь, мешая дышать. Она любила ее, любила всегда, любила много лет назад, после смерти и еще при жизни, и сколько зла нужно было зачеркнуть в своей душе, чтобы это понять. Сестра обещала хранить ее оттуда, с неба. Она знала: Светик не причинит ей теперь зла. Внезапно (это было настоящим безумием) захотелось увидеть ее призрак! Протянуть к ней руки... Чтобы попросить прощения... Может... Или просто зарыдать... Но никакого призрака не было. Правая рука автоматически нащупала на стене выключатель. Под потолком вспыхнула хрустальная люстра, мелодично звякнув подвесками.

Теперь это была небольшая уютная комната, в которой никого не было. Плотные зеленые шторы закрывали два окна. Она прошла через комнату, мягко ступая по ковровому покрытию, чтобы распахнуть их. Вторым окном оказалась крепко закрытая дверь на балкон. В стекла мгновенно хлынули потоки солнечного света, освещая даже самые темные углы. Блестящая люстра мгновенно потеряла свой искусственный свет. Она вернулась к двери, снова щелкнула выключателем и остановилась почти на пороге. Теперь она могла все разглядеть.

Возле противоположной от окон стены стояла двойная детская кровать (вернее, двухэтажная – вверх и вниз). Нижняя кровать была застелена красным пледом с собакой, верхняя – синим с дельфином. На обеих кроватках сидели большие плюшевые игрушки: собаки, лошадки, львы, обезьяны, котята... Она насчитала десять штук. Возле другой стены стояли два шкафа, вплотную друг к другу, и современная открытая этажерка, в нижнем ярусе кото-

рой находился телевизор (дорогой, последней современной модели), а наверху – несколько причудливых ваз. И фотографии в резных рамках. На снимках были, в основном, дети. На одном – Света, обнимающая Стасиков, на берегу моря. Света была в узких джинсах и туфлях на шпильках, дети – в ярких костюмчиках, все трое смеялись, обнимались. Их волосы развевались на ветру. Еще на одном она разглядела свой портрет двухлетней давности (эту фотографию у нее на память выпросили Стасики, когда месяц жили у нее). С огромным удивлением обнаружила, что фотография, которую она полагала тайно спрятанной в детском шкафу, заботливо вставлена в рамку и красиво находится на всеобщем обозрении. Никаких мужчин на снимках не было. Напротив телевизора, у противоположной стены, стоял мягкий двуспальный диван и туалетный столик с большим зеркалом, уставленный массой всевозможных баночек, флаконов, коробочек, бутылочек... У Светы было невероятное количество косметики. Подойдя ближе, она обнаружила источник пряного восточного запаха: среди парфюмерного многообразия находилась перевернутая бутылочка, из которой уже вылились все духи «Испahan». В туалетном столике было несколько ящичков. Она дала себе слово их исследовать. На этажерке с телевизором совсем не было книг. Наверху, на самом телевизоре она обнаружила радиотелефон и небольшой золотой медальон на цепочке, просто брошенный на деревянную полку. Открыла. Внутри находились фотографии Стасиков. Медальон явно принадлежал Светлане. Не долго думая, она надела его себе на шею. Открыла дверцы шкафов. В первом были одежда Светы, во втором – детская. Над кроватками детей раскачивалась забавная пластмассовая лампа с разноцветным клоуном, сидевшим на ней. Клоун смеялся. Она подумала, что видеть все это для Светы действительно было невыносимо. Сидеть в пустой комнате, глядя на детские игрушки... она поразились тому, с какой любовью обставлен этот детский уголок! Как много денег тратила Света на своих Стасиков. Она любила их, безумно любила, хотя, может, и не всегда показывала это внешне. Ей показалось, что в тот момент она впервые по – настоящему поняла свою сестру.

Над окном и над дверью балкона проходила труба центрального отопления. Невероятным усилием воли заставила себя поднять голову вверх. В одном месте, прямо по центру окна, труба немного прогнулась. И с этого места была содрана краска. Свежие царапины... Следы агонии. Горький ком внезапно стал весом в тонну. От нехватки воздуха у нее потемнело в глазах. Чтобы не смотреть туда, обернулась к дивану. С другой стороны стояла маленькая тумбочка с зеленой лампой. Под лампой лежало несколько гляцевых женских журналов. Она взяла их в руки, стала перебирать – и остановилась. Среди женских журналов ей попался автомобильный журнал и специальный для мужчин. Значит, в этой квартире часто бывали мужчины. Собственно, чему удивляться... Она вспомнила то. Чем занималась ее сестра. В комнату ворвался звонкий детский крик. Она подошла к окну. В него отчетливо просматривалась детская площадка с играющими на ней детьми. Она протянула руку, чтобы открыть форточку, и внезапно остановилась. На белой свежей поверхности подоконника ясно выделялись два круглых пятна. Это были следы от вазонов с цветами. Следы блюдец, которые ставят под вазоны цветов. Она задумалась... но в комнате не было никаких цветов! Что же это означает? Она решила пойти на кухню.

Кухня была небольшой, обставленной приличной кухонной мебелью орехового цвета. Иностранная плита. Несколько электрических кухонных приборов и очень мало посуды. Честно говоря, посуды почти нет: тарелок, ложек, вилок – всего по три. Ванная была отдельно от туалета. Красивая ванная, облицованная зеленой плиткой. На зеркале над умывальником стоял мужской одеколон. Начатый французский одеколон для мужчин. Она понюхала его, сняв крышку.... Этим запахом пользовались те из ее мужчин, которые хотели подчеркнуть свои высокие доходы и произвести впечатление на всех, без исключения, женщин. Иными словами – к Свете часто приходил какой-то бабник. Часто потому, что флакон наполовину использован. Еще раз понюхав, поставила на место. Очередной повод для размышлений. В кухне холодиль-

ник был включен в сеть. В морозильной камере лежал пакет с говяжьей вырезкой. Судя по запаху и цвету, мясо было годно для употребления. В другом отделении были сосиски (испорченные, покрытые зеленой плесенью, отвратительно воняющие кислым. С отвращением она выбросила их в мусорное ведро под раковиной), несколько ломтиков засохшего сыра (последовал за сосисками), рыбная консерва с хорошим сроком годности (сардины) и начатая бутылка сухого белого вина («Шардоне»). Больше ничего в холодильнике не было. В шкафчике над кухонным столом обнаружилась пачка чая «Липтон», сахар и пакет вермишели. С запасом продуктов у Светы явно было не густо. Больше ничего интересного на кухне не обнаружила. Она вернулась в комнату, машинально взглянув на часы. Пора выходить. Иначе никак не успеть к четырем, даже на такси. Она оставила в квартире свою дорожную сумку и хотела было выйти, но потом вернулась и захватила с собой автомобильный журнал.

– Неужели вы уже уходите?

Она обернулась. Любопытная старушка Алла Павловна была на своем боевом посту – в окне. Не успела она сделать и пару шагов от подъезда, как моментально была остановлена. Что ж, эта задержка была в ее интересах. Она подошла к окну.

– Да, мне уже пора. Дела в городе.

– Поздно вернетесь?

– Наверное. Честно говоря, даже сама не знаю, когда. Еду в морг, опознать тело Светы. Потом нужно сделать все распоряжения насчет похорон.

– Бедная... Такой ужас. Держитесь! Что ж, нужно этот кошмар пережить. Заходите ко мне утром, поговорить. Расскажите, как все прошло.

– обязательно зайду! Смотрите, что я нашла в квартире Светы! (она протянула автомобильный журнал). Если хотите, можете почитать. Я не увлекаюсь машинами.

– Да я тоже... Но вот муж... Ему будет интересно... – старушка жадно схватила журнал, – мы не покупаем такие дорогие журналы. Не можем. Не хватает – на пенсию... тяжело жить только на пенсию... Хорошо, хоть дети помогают. Но журнал читаю с удовольствием! Спасибо, деточка! Спасибо огромное!

– Может, заодно и марку той серой машины узнаете. В которую Стасики сели...

– Да, конечно, – старушка перелистнула журнал несколько раз, потом вдруг остановилась, – так вот же она, та машина! Фургончик!

– Что?

– Вот здесь, на картинке! Написано, что «форд».

Она внимательно осмотрела на фотографию. Джип. Дорогой современный джип с высокими колесами, мощный по виду. Прочитала надпись: «известная марка «форд» представляет новые модели внедорожников...». В сопроводительном тексте (совсем кратком) было написано, что эти модели обладают особо мощным двигателем, большой скоростью, совершенным дизайном, но еще не поступили в широкую дистрибуторскую сеть. Эксклюзив. Ничего ж себе! Такая машина должна стоять целое состояние! Что эксклюзивная модель внедорожника делает в каком-то Южногорске?

– Вы не ошиблись?

– Нет, конечно! Стоит мне один раз на что-то посмотреть, и я на всю жизнь запомню!

– но посмотрите еще... Там и другие модели есть...

– нет, эта машина. Эта! Я ее узнаю из сотни. Там еще сзади знак был... Вот как у этой...

Вот такой знак. Смотрите, он на фотографии есть! Видите?

– Вижу.

– Но вы так странно меня спрашиваете... Это что, дорогая машина?

– очень дорогая. Просто жуткая роскошь!

– Ну и что? Значит, у детей был состоятельный отец.

– Может быть...

– Ну, ладно. Не буду вас задерживать. Вы, наверное, опаздываете. И так вам предстоит такое тяжелое испытание. А еще я пристаю со своими разговорами.

– Ничего, я рада с вами поговорить! Вы мне очень помогли!

– Да ради Бога! Просто я ту машину хорошо запомнила. Знаете, если честно, она и мне показалась жутко дорогой. Она выглядела как новенькая – сверкающая, красивая... Даже кавалеры Светы на таких никогда не приезжали! А теперь вот вы по картинке знаете, какая. И, может, тот, кто был за рулем, что-то знает о судьбе детей.

– Я буду искать эту машину.

– Деточка, желаю удачи! Вы найдете. Вы сильная. Света... она совсем не такая была...

– У меня есть еще один вопрос. А вы были в квартире у Светы?

– да, один раз была. Она меня пригласила зайти.

– У нее были комнатные цветы на окне?

– в комнате? Конечно, были. Такие красивые – я просто залюбовалась!

– Какие цветы? Как они выглядели?

– Один – китайская роза, пышная, цветущая. А второй цветок – названия я не знаю, но это был куст, разросшийся в ширину. С мелкими желтыми цветами посреди листьев.

Она торопливо распрощалась с соседкой, стараясь следить за выражением своего лица. Потом торопливо зашагала к автобусной остановке.

Глава 11.

Быстро зашагала по утоптанной земляной дороге и, не выдержав, все-таки один раз обернулась. Старая женщина в окне приветливо махнула ей рукой, а потом растворилась вдали.

На автобусной остановке (направление – в город), она неожиданно обнаружила маленький продуктовый магазин, и это было приятным открытием. Самое время было купить продукты! Зная себя, она прекрасно понимала, что страшное посещение морга (страшное еще со времен института) напрочь отобьет аппетит. И не только аппетит, но и все остальные жизненные чувства (особенно светлого оттенка). Так бывало не раз. Что же будет теперь, если в этот холодный застывший мир она шагнет не ради неподвижных безликих пациентов, и не беспечной студенткой второго курса. Она придет, чтобы проститься с родною сестрой. Или, вернее, встретиться. Встретиться впервые за много лет. Солнце светило удивительно празднично и ярко. Прогоняя черные мысли, она подставила лицо жаркому весеннему лучу. Чудеса в жизни – редкость. И солнце не растопило сковывающий ее холод. И не осветило ни одну из долгих, ей предстоящих дорог.

Продуктовый магазин был очень маленький, с двумя стеклянными витринами и пожилой продавщицей, скучавшей за ними с газетой кроссвордов. Она купила хлеб, пакет молока, колбасную нарезку, банку крепкого кофе и, подумав немного, решила добавить к списку своих покупок шоколад.

- Какой вам предложить? У меня несколько сортов, – сказала продавщица.
- Какой? Самый вкусный! – улыбнулась она.
- Тогда попробуйте с малиновым йогуртом. Пальчики оближите!
- Нет, только не с малиной! Что-нибудь другое!
- Но почему? Этот шоколад лучше всех берут!
- С детства не выношу малину! Меня от нее тошнит. От одного вида и запаха.
- Вы интересная женщина! Впервые встречаю человека, который не любит малину!

Она уложила покупки в объемный пакет и вышла на улицу. Вскоре подъехал автобус. Ей показалось, что в этом автобусе приехала сюда. Устроившись возле окна на одном из рваных сидений, развернула плитку шоколада в блестящей обертке. На нее пахло приятным запахом кофе, орехов, каких-то пряностей. Она с наслаждением откусила кусок и, пока шоколад таял во рту, улыбнулась своим мыслям. «Ненавижу малину... с детства... и, похоже, это у нас семейное!».

Дверь кабинета Жуковской была закрыта. В этот раз внизу, на вахте охраны, ее пропустили сразу. Она остановилась в коридоре, подперла стенку и стала ждать. В глубине коридора показался и пожилой мужчина, потом приблизился.

- Вы к кому?
- К Жуковской.
- Она на совещании. Вам придется немного подождать.
- Я это и делаю.
- Что ж поделать! У следователя прокуратуры всегда море дел.
- У... у следователя прокуратуры?!
- Конечно! Да вы что, девушка, не знаете, кого ждете? Жуковская – следователь прокуратуры, да еще один из самых перспективных!
- Но я... я думала, что она работает в уголовном розыске... Что здесь райотдел...
- Милая девушка, прежде, чем вы куда-то входите, следует читать вывеску. Здесь городское управление внутренних дел, и уж конечно, нет никакого райотдела! И не только городское управление, но и прокуратура. Жуковская действительно раньше работала в уголовном розыске. Но теперь ее повысили.

– И давно повысили?

– Две недели назад.

– Вы так откровенно мне все рассказываете...

– А я вас знаю. Вы – родственница пропавших детей, и сейчас вдвоем с Жуковской вы поедете в морг на опознание сестры, которая повесилась. Я работаю в следственной группе по делу детей. Хотя, если честно, этим делом уже занимается все управление и все райотделы. Куча людей! А начальство все давит на нас и давит!

– Не ждите, что я вам посочувствую! Мало давит! Вас всех вообще надо поувольнять! Если столько людей работает – почему вы ничего не нашли?

– Потому, что дело слишком сложное. Знаете, сколько в скалах разных проломов, лазов, пещер и лазеек? Да с весны до поздней осени мы только тем и занимаемся, что отлавливаем разных ребятишек, которые лезут туда, как мухи на мед! И хорошо, если отлавливаем! А есть такие случаи, что проваливаются в какую-то расщелину, и с концами! Завалит камнями – можно никогда и не найти! Полно таких примеров. Так что найти детей – дело тяжелое. Но мы делаем все возможное.

– Что-то не видно!

– Зря вы так! Делаем все, что в наших силах. Кстати, Жуковская специально меня попросила, чтобы я вас нащем в коридоре и сказал, что она задерживается.

– Вот как...

– Экстренное совещание. Но скоро освободится. Да вот и она!

В конце коридора действительно показалась Жуковская – более юная и более веселая, чем была утром. Она приветливо кивнула пожилому мужчине, бросила через плечо ей:

– надеюсь, не долго ждете... – и завела ее в кабинет.

Там, в кабинете, она спрятала какие-то папки в ящик стола, надела свою роскошную шубу из норки и вывела ее обратно в коридор.

– Поедем в моей машине, – сказала она, – после морга я повезу вас к похоронной конторе – это она из самых лучших фирм в городе. Надеюсь, деньги у вас есть?

В этом вопросе она почувствовала пренебрежение. И это больно ее задело.

– Да. Есть, – сказала она, – похороны сестры смогу оплатить.

– прекрасно. Тогда едем.

В голосе Жуковской прозвучало столько веселья, словно она звала ее на увеселительную прогулку. Это покорило еще больше, чем вопрос о деньгах. Вскоре они сидели в шикарном автомобиле Жуковской. Жуковская закурила ментоловую сигарету и рывком рванула машину вопреки всем правилам дорожного движения. Когда они выехали на оживленную центральную магистраль, Жуковская спросила:

– ну и что вы нашли в квартире сестры?

– Что? В каком смысле?

– В прямом! Нашли что, спрашиваю! Вы ведь наверняка обыскали ее квартиру от верха до низа!

– Ну, во – первых, я не занимаюсь обысками, это не моя профессия, – резко парировала она, – а во – вторых, я не понимаю, что такого особенного могло храниться в вещах моей сестры! И потом, я все равно не собираюсь рыться в ее нижнем белье. Мне слишком тяжело.

– А, бросьте! Все знают, что вы не любили сестру!

– Кто это – все?

– Ну... да ваша сестра и сама так думала!

– Мы с вами не знаем, о чем она думала. В письме это не написано!

– так, значит, ничего особенного в ее вещах нет?

– Я не понимаю...

– Ну и как вам ее квартира? Уютная, правда?

– У меня не было достаточно времени, чтобы все осмотреть.

– А с соседями вы познакомились?

– Не со всеми.

– Да, действительно. Времени так мало. По – настоящему я должна была повести вас в морг с утра, но я так закутилась, столько дел... Некогда и управиться....

– Вас можно поздравить с повышением?

– с повышением?

– Да. В первый раз, когда я вам позвонила, вы были капитаном уголовного розыска, а теперь уже следователь прокуратуры...

– Но я и теперь капитан! – весело рассмеялась она, – что, не похожа? А следователь я всего две недели! Назначили, можно сказать, за прошлые заслуги. Я раскрыла одно резонансное дело о преступной группировке, давно раскрыла. А назначение пришло только сейчас. Но я и сама не рада этому назначению. Столько работы навалилось – вдохнуть некогда! Но делом детей я занималась еще в райотделе, оперативными разработками. А теперь взяла это дело под свой особый контроль, как следователь прокуратуры по особо важным делам!

– особо важным делам?

– Разумеется! Дела о детях – всегда самые важные. А дело о пропавших малышах я принимаю близко к сердцу. Ближе всех остальных дел. Я мечтаю найти детей. Вы, конечно, можете мне и не поверить, но найти ваших Стасиков – цель моей жизни. Ночью я просыпаюсь в холодном поту, вскакиваю с постели, нервно хожу по комнате, курю и думаю – к чему все это. К чему вся моя жизнь, к чему я столько училась, работала без выходных, к чему весь этот закон, закон в общем, если я не смогла спасти самых несчастных и незащищенных – двух больных малышей. В такие минуты я клянусь себе, что их найду, клянусь всем своим опытом и амбициями... И для меня это действительно очень важно – если я найду их, значит, все, к чему я шла, о чем мечтала, будет не напрасным! Значит, я для чего-то живу на свете! И, когда я призываю на помощь все свои силы, я готова работать день и ночь, готова грызть камни, только чтобы их найти. Вот почему я хотела бы поближе познакомиться с вами и привлечь вас на свою сторону, чтобы мы работали сообща. Вы – их родственница, а теперь – единственно близкий им человек. Вы будете жить в той квартире, встречаться с людьми, которые знали вашу сестру. Возможно, вы что-то услышите или вам расскажут, и это будет очень важно для следствия. Расскажут то, что никогда не расскажут работнику прокуратуры и милиции. Вот поэтому я бы хотела, чтобы мы с вами действительно действовали сообща и доверяли друг другу! Чтобы, бросив все свои силы в борьбу, мы нашли малышей!

Жуковская замолчала. Потрясенная ее неожиданной страстностью (этой вспышкой, которую от нее никак нельзя было ожидать), она тоже молчала. Жуковская прервала молчание первой:

– Я вас не шокировала?

– немного. Я от вас не ждала такой убежденности...

– Я часто шокирую людей! И меня часто воспринимают совсем не такой, какая я есть!

Так что вы мне скажете?

– Я согласна на все, только чтобы найти Стасиков!

– Я тоже. Значит, по рукам?

– По рукам. Но... Я хочу сказать... есть один вопрос...

– какой вопрос?

– Вы специально решили меня подвести, чтобы все это сказать?

– Да. Я специально хотела поговорить с вами с неофициальной обстановке, чтобы сказать все это! Кабинет всегда давит... Это и был ваш вопрос?

– Нет. Как можно добиться успеха в поисках, если рассматривать только одну версию исчезновения?

– А кто вам сказал, что я рассматриваю только одну версию?

– Вы сами. И ваш сотрудник...

– Я сказала вам так вначале еще до откровенного разговора. И потом, я хотела видеть вашу реакцию.

– но у меня не было никакой реакции!

– Это и правильно! Для меня это означало. Что в глубине души вы настолько не согласны со мной и убеждены в своей версии, что не собираетесь даже спорить! Значит, вы явно не верили в гибель детей.

– Я не верю в гибель детей до сих пор!

– Очень хорошо! Значит, можно рассматривать разные версии. А насчет сотрудников... Эта версия – просто официальная, как более простая. Ее взяли на вооружение, но это не значит, что она верная.

– У вас есть другие варианты?

– Я же сказала, что рассматриваю все! И поэтому мне хотелось бы, чтобы вы были со мной откровенны. Особенно, если сможете что-то узнать.

– Хорошо. Я...

– Смотрите, морг. Мы приехали.

Они шли по длинному двору между больничными корпусами. По дороге Жуковская сказала ей:

– Вам наверняка такое зрелище более привычно, чем мне.

– Почему вы так думаете?

– Вы же врач.

– Врач так же тяжело переносит смерть, как и все остальные люди. А, может быть, и еще тяжелей....

Холод. Бесконечный холод. Не хватало дыхания. Воздух стал льдом и забился в ее грудь. Страшный белый свет и запах. Который ни с чем нельзя спутать. И тонкое тело, закрытое бело-снежной (как лед) простыней. Пьяненький санитар откинул с лица простыню. Света лежала, немного нагнув голову. Длинные ресницы отбрасывали на бледную кожу синеватую тень. Тонкие пальцы беззащитно застыли на холоде стола. Волосы разметались по простыне. Застывшее лицо неземного спокойствия. И синее ожерелье на шее, страшное синее ожерелье, сквозь которое ушла жизнь. Ей хотелось согреть эти тонкие пальцы в своих. И поправить прядь белокурых волос, небрежно сбившихся у виска. Поцеловать в эти мраморные желтоватые щеки, и, обняв, согреть всем своим телом, попросив прощение за то, что не целовала ее столько лет... Разбудить, повернуть время, закричать, чтобы небо разверзлось и, прижав к сердцу, не отдать в холодную застывшую бездну, не отдать – никогда, никогда... Лицо стало мудрей и спокойней. Лучезарный Светик узнал суровую мудрость смерти. И трогательная беззащитность тонких пальцев рвала сердце, пальцев, упавших на ледяную простыню как поломанные цветы... Все ее тело била дрожь... перед глазами плыли бесконечный ледяные волны. В белом мареве ее Светик расплывалась в прозрачное облако, улыбаясь мудростью своего застывшего спокойствия. Пьяненький санитар, привалившись одним плечом к холодильнику, безразлично смотрел на то, что он видел тысячу раз. Ей не хотелось целовать сестру в присутствии двух безразличных, чужих людей, поэтому она сдержалась от такого порыва, бесконечно целуя ее тонкие черты своим кровоточащим сердцем. Санитар захлопнул холодильник. Света уплыла в вечность. На ледяном корабле последнего в жизни холода, расплываясь радужными кругами в ее глазах навсегда.

Когда ее завели в маленькую комнатку над моргом, она все еще не могла говорить, а тело сотрясали крупная дрожь. Что-то шепнув пьяному санитару. Жуковская вышла и вскоре вернулась с пластмассовым стаканчиком и бутылкой коньяка. Плеснула коньяк ей. Она сделала

обжигающий глоток и поперхнулась. Жуковская отдала санитару почти полную бутылку и он ушел.

– Это ваша сестра? Света?

Она безжизненно кивнула. Жуковская знала ответ на этот вопрос не хуже ее.

– Вы, наверное, определили, как врач, причину ее смерти...

Снова – кивок, безлично, безжизненно. Конечно, определила автоматически, иначе и быть не могло. Жуковская подтолкнула к ней бумагу. Протокол опознания трупа № 4713. она внимательно прочитала и поставила подпись в конце. Ей было намного хуже, чем она думала. Так плохо, что она не могла говорить.

– Даже после смерти ваша сестра выглядит очень красивой, – заметила Жуковская, – и юной...

– Она была старше меня.

Это были первые слова, и вырвались они из глубины с мучительной болью...

– Но Света всегда была самой красивой...

Она снова отхлебнула коньяк. Обжигающее тепло разлилось по ее телу. Хоть на мгновение, но ей стало легче.

– Теперь все формальности закончены? – спросила она.

– да. Если вы в норме, то можем ехать дальше.

Она кивнула. Они вышли из морга. Жуковская отлично ориентировалась в цепи коридоров. Когда они вышли на улицу (вернее, в больничный двор), дверь морга захлопнулась, оставляя ее сестру в последнем, другом мире – оставляя теперь навсегда.

Глава 12.

«... и храни, Господи, душу рабы твоей, потерянной и заблудшей...». Слова забытой молитвы давались с огромным трудом. Они давались тяжело, но, вырываясь из нее, вырывались словно из самого сердца, очищая от боли и крови. Слова были темной мелодией, сумрачной и тяжелой, словно впитавшей в себя всю горечь мира. Но, отпуская их на волю, ей было легко.

Ранним утром на следующий день маленький черный микроавтобус (катафалк городского похоронного бюро) забрал тело Светы прямо из морга. Она заказала сестре очень красивый гроб – красный, с кружевами и позолотой, и немного мучилась от угрызений совести (от того, что это первый и последний подарок, который она сумела ей сделать). Свету похоронили на Западном кладбище. Это было новое кладбище, недавно открытое и совсем не заполненное. На самой его окраине (примыкавшей к серым мрачным скалам) экскаватор выкапывал большие ямы – общие могилы для неопознанных трупов и бомжей. Пьяненькие кладбищенские рабочие странно посмотрели на необычную похоронную процессию – шикарный гроб, за которым шел только один человек. Она не зашла в местную церковь – потому, что священник не стал бы отпевать самоубийцу и еще потому, что была не в состоянии выслушивать темную кликушескую философию о преступном не равенстве смерти. Для нее любая смерть была преступлением, и была равна. Кроме того, Света вряд ли верила в Бога. В детстве их мать пыталась привить им какие-то христианские идеалы, объяснила хотя бы общие понятия о религии, рассказывала о праздниках. Но ее скептический ум восставал против философии греха и подчинения, а, став врачом, она так часто сталкивалась с болью, несправедливостью, отчаянием и обидой, что растеряла даже то, что было заложено в нее в детстве, оставив для жизни только те понятия, который были связаны с общей культурой (к примеру, соблюдение таких праздников как Пасха или Рождество). И, разумеется, не знала ни одной молитвы. Но, стоя у одинокой могилы на краю кладбища, стоя в отчаянном и страшном одиночестве, она делала то, что ни делала никогда – складывала слова молитвы. И пусть эта молитва не соответствовала никаким церковным канонам, слова ее шли из самой глубины сердца, а, значит (и она чувствовала это) Бог не оставит в равнодушии и забвении. Она молилась о душе своей сестры, прося подарить ей то, что никогда не имела при жизни – покой. «Храни, Господи, душу несчастной рабы твоей, потерянной и заблудшей при жизни, и подари ей частичку своей любви и свет в конце ее земного пути». Комья темной глинистой земли глухо падали на крышку гроба, а ей казалось – падают на ее сердце. Ветер шевелил кусты возле соседних могил. Небо было сумрачным, свинцовым, тучи низко нависали над землей, словно готовясь оплакивать ту, кого стоило оплакивать еще при жизни. Ту, о которой никто не пролил ни единой слезы... И, наверное, оплакивать не ее одну. В отдалении, среди серых могильных камней, двигались какие-то смутные фигуры. Она боялась смотреть в их сторону. Еще в самом начале ей вдруг показалось, что, хоть и двигались на двух ногах, но это люди, обращенные в животных. Издалека она различала в их глазах алчущий, голодный блеск. Кто они были – нищие, местные мародеры, кладбищенские грабители или просто бомжи, устроившие себе дом среди могильных камней? Этого она не знала. И от этого ей было немного жутко. Слез у нее уже не было. Все слезы в одиночестве выплакала накануне, сидя ночью в темной квартире Светы и не находя в себе сил прикоснуться к чему-то из ее вещей, даже к постельному белью. Комья гулко стучали сначала о дерево, потом – друг о друга. Она подняла глаза в небо. Серые тучи торопливо обгоняли друг друга. Внезапно она почувствовала какой-то толчок. Хотя на самом деле это, конечно, был не толчок. Просто почувствовала себя по – особенному конфликтно и неудобно. Она обернулась. За ее спиной, достаточно далеко от могилы, стоял неизвестный мужчина и смотрел на нее. Неподвижно стоял, словно гипнотизируя скромную похоронную процессию. Это был достаточно молодой человек в длинном модном пальто черного цвета, с черными, как

смоль, гладко причесанными волосами и в огромных черных очках. Скрывавших почти все его лицо. В сумрачный, дождливый день черные очки смотрелись довольно странно и даже страшно. Вблизи, почти на всей округе пустынного Западного кладбища, не было больше ни одних похорон, вообще никого, кроме темных людей вдалеке (нищих? Бомжей?) и нее, вместе с двумя могильщиками. Значит, этого человека могли интересовать только похороны ее сестры. Удивленная, она сделала шаг назад, повернувшись к нему полностью. Ее раздражали эти темные очки, раздражало то, что не видит ни его лица, ни глаз. Но что-то глубоко внутри (какая-то особенная, глубинная интуиция) подсказывала, что эта темная фигура на кладбище – не проста. Возможно, этот человек знал Свету. А может, ищет именно ее, чтобы что-то сказать. И тогда она сделала то, что не сделала бы никогда в обычных обстоятельствах: она бросилась по направлению к этому неизвестному мужчине. Он увидел, что она быстро направляется к нему, и сделал несколько шагов назад. Она почти побежала. Он – тоже. Он спасался от нее с такой поспешностью, что для нее вдруг стало делом принципа его догнать. Так они выбежали на центральную асфальтированную аллею, потом – к воротам. Прямо возле ворот стоял темно – синий автомобиль с затененными стеклами. Мужчина бросился прямо к нему, вскочил за руль, машина резко рванулась с места. Он ехал так быстро, что она не успела разглядеть номер. Вскоре машина превратилась в черную точку вдали на грунтованном шоссе, ведущем в город. Расстроенная, она поплелась назад. Могильщики уже засыпали могилу и стояли, ожидая ее.

– Давайте мы проводим вас обратно к воротам, к автобусу, – сказал один, для женщины тут небезопасно, хоть вы и быстро бегаєте. Здесь плохое место. Одной нельзя ходить.

По дороге тот же разговорчивый могильщик спросил:

– Это был ваш знакомый? Довольно некрасиво с его стороны так от вас бегать!

– Нет. Я видела его впервые. Думаю, он был знаком с той, кого я сегодня похоронила.

– Точно был знаком, вот увидите! Помяните мое слово, еще окажется, что точно близкий знакомый! А если молодая была, то и любовник.

– Почему вы так думаете?

– А иначе зачем ему тащиться в такую даль? Просто так в такую даль не едут! Западное кладбище – самое далекое из всех, да и не хоронят на нем богачей.

– При чем тут это?

– Да он выглядит крутым, повадка такая. И машина...

– Откуда вы все это видели?

– Да я его еще от ворот разглядел. Как гроб из автобуса вынесли, так он сразу за нами и пошел, и шел все время, и у могилы стоял. Я еще удивился, что вы на него не смотрите, потому, что вначале было похоже, словно он с вами приехал. Потом я подумал, что вы просто в ссоре, ну, а потом, когда вы побежали, я понял, что вы его раньше просто не заметили.

– За нами шел?

– Все время! Мы ведь возле ворот стояли, ждали ваш автобус, чтобы могилу копать, ну и все видели. Его машина ехала за автобусом, поэтому я и разглядел. А вы что же, не знаете, кто такой?

– Нет. Но очень хотела бы узнать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.